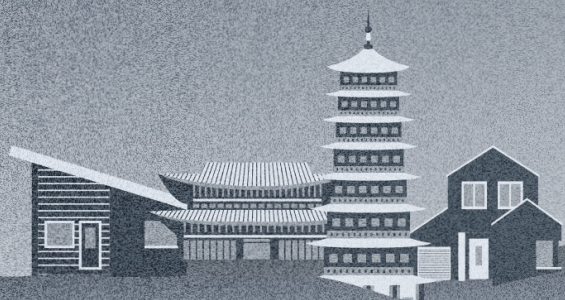

Чхве
Ынён

СВЕТЛАЯ НОЧЬ

перевод Евгении Дамбаевой

18+

И

Строки. Top-Fiction

Чхве Ынён

Светлая ночь

«Строки»

2021

Ынён Ч.

Светлая ночь / Ч. Ынён — «Строки», 2021 — (Строки. Тор-Fiction)

ISBN 978-5-00216-547-6

Роман о дружбе и любви, охватывающий судьбы четырех поколений и период длиной в целое столетие. Ли Чиен тяжело переживает развод: она не может спать, есть и увядает прямо на глазах. Чтобы справиться с болью, она оставляет привычную жизнь в Сеуле и переезжает в город на побережье Хвирен, название которого дословно переводится как «светлый, солнечный залив». Туда, где она сможет спрятаться, ведь ее никто там не знает. Но на улице чужого пока города героиня сталкивается со своей... бабушкой, с которой Чиен не виделась много лет из-за старого семейного конфликта, однако это не мешает сближению женщин. Из неторопливых рассказов бабушки вырисовываются портреты сильных женщин их семьи, на чью долю выпало много горя. Чиен находит силу и утешение в этих историях и, обращаясь к прошлому, обретает опору в настоящем. Три факта о книге: 1. «Светлая ночь» сплетает судьбы женщин из разных десятилетий на фоне исторических потрясений Кореи. 2. Роман занимал первое место в списке бестселлеров в Корее на протяжении года. 3. Планируется экранизация.

ISBN 978-5-00216-547-6

© Ынён Ч., 2021

© Строки, 2021

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	12
3	24
4	32
Часть вторая	39
5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Чхве Ынён

Светлая ночь

© 2021 ###

ALL RIGHTS RESERVED. ORIGINAL KOREAN EDITION WAS PUBLISHED BY MUNHAKDONGNE PUBLISHING CORP.

THIS RUSSIAN LANGUAGE TRANSLATION IS PUBLISHED BY MTS IN 2026, BY ARRANGEMENT WITH MUNHAKDONGNE PUBLISHING CORP. THROUGH RIGHTOL MEDIA IN CHINA.

© ЕВГЕНИЯ ДАМБАЕВА, ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК, 2026

© ИЗДАНИЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ, ОФОРМЛЕНИЕ. СТРОКИ, 2026

Часть первая

1

Я помню Хвирён¹ по летним запахам... Благовоний буддийского храма, воды и мха из долины, леса, моря во время прогулок в порту, пыли в дождливые дни, гниющих фруктов в рыночных переулках и лечебных трав, которые кипятили в клинике традиционной медицины после сильного ливня... Для меня Хвирён навсегда остался городом, где царило лето.

Впервые я приехала туда, когда мне было десять.

Я провела в бабушкином доме около десяти дней, в течение которых она неустанно водила меня повсюду, показывая город. Мы ездили на автобусе в буддийский храм, спрятанный в горах, и ходили на морское побережье неподалеку от дома. А еще мы ели только что приготовленные горячие пончики и квабеги² на рынке, включали дома музыку и танцевали вместе с ее друзьями.

Маленькой мне небо в Хвирёне казалось намного выше и синее сеульского. Я до сих пор не могу забыть, как мы с бабушкой ходили любоваться на ночное небо. Тогда я впервые невооруженным глазом увидела Млечный Путь и поначалу потеряла дар речи. Голова закружилась, и в животе появилось странное ощущение.

Я впустила бабушку в свое сердце еще до конца самого первого дня в Хвирёне. Потому что дети такое чувствуют. Они сразу понимают, любит их человек или ненавидит, хочет навредить или защитить.

Прощаясь с бабушкой на автовокзале, я уселась на пол и зарыдала. Не только потому, что успела привязаться к ней: в глубине души у меня было предчувствие, что, возможно, я больше никогда ее не увижу.

В тот день, когда я снова отправилась в Хвирён, мне было уже тридцать два, а заднее сиденье моей машины, несущейся по скоростному шоссе, было полностью завалено предметами домашнего обихода. Это был снежный январский день 2017 года.

Я увидела вакансию научного сотрудника в обсерваторию Хвирёна спустя примерно месяц после развода. Проектная группа, в которой я состояла, как раз закончила очередную работу, и мне некуда было податься. Получив из обсерватории положительный ответ, я сразу же принялась собирать свою сеульскую жизнь в коробки. Кровать и шкаф, письменный стол и стиральную машину, ковер и обеденный стол, мое нижнее белье, к которому прикасались его руки, и посуду – я выбросила абсолютно все. Мы прожили в этом доме без малого шесть лет, поэтому вещам не было конца. Два последних пакета с мусором я вынесла в день переезда.

Только накануне поездки я поискала информацию о том месте, куда направляюсь, в интернете. Хвирён оказался небольшим городком, к западу от которого растянулись горы высотой около тысячи метров над уровнем моря, а к востоку – побережье. Сельскохозяйственные угодья и городские кварталы располагались в низине у моря, поэтому городок был меньше, чем другие подобные в этом регионе, а его население не превышало и ста тысяч человек.

К тому времени, как я проехала Чхунчхон, снегопад утих, но ветер дул так сильно, что мою маленькую машину немного потряхивало. Несколько раз приходилось даже останавливаться на стоянках вдоль дороги, чтобы подышать воздухом. Обычно меня не укачивало в пути,

¹ Хвирён, или Хирён (##), – досл. «светлый, яркий, солнечный залив». Вымышленный город на побережье Кореи. *Здесь и далее – прим. пер.*

² Жаренные в масле сладости из двух длинных скрученных полосок теста, сделанные на основе пшеничной или рисовой муки.

но в тот период мое психическое и физическое состояние оставляло желать лучшего – я часто ощущала тошноту и головокружение.

Только через пять часов после выезда из Сеула я наконец заселилась в отель в Хвирёне. В полном изнеможении я рухнула у окна, даже не разобрав вещи. За окном виднелось море. Из-за холодной зимней погоды людей на улице не было видно, лишь несколько птиц парили над водной гладью. Я даже не помнила, когда в последний раз так близко смотрела на море. Не знаю, сколько времени я так просидела. С наступлением темноты рыбацкие лодки с яркими фонарями, выстроившись в ряд вдоль берега, начали одна за другой выходить в море. В какой-то момент я поймала себя на том, что пересчитываю количество фонарей на лодках.

В то время я не могла нормально спать. И той ночью тоже несколько раз засыпала и просыпалась. В конце концов, когда сон полностью пропал, я открыла шторы и увидела, как алое солнце всходит за горизонтом. Солнечные лучи растворялись в воде всеми оттенками красного и проникали даже в мой номер. Я молча наблюдала за движением солнца. До тех пор, пока оно не поднялось высоко в небо и не исчезло из виду.

В тот день я занялась поисками жилья. Я обошла пять квартир, но больше всего мне понравилась самая первая. Она находилась в многоквартирном доме коридорного типа с двумя корпусами, построенном двадцать лет назад. Агент сказал, что в нем в основном живут молодые и одинокие пожилые люди. Квартира, которую я присмотрела, располагалась на пятом этаже. Внутри было чисто и свежо, дополнительного ремонта не требовалось, за окном вдалеке виднелось море, и солнечный свет буквально пронизывал все пространство. До заселения нужно было подождать около трех недель, но квартира того стоила.

Таким образом, первые три недели в Хвирёне я ездила на работу из отеля. В это время часто шел снег. Иногда снегопад был таким сильным, что солдатам из ближайшей военной части приходилось обходить улицы, вооружившись лопатами. Снег здесь почти не таял. В небольшом провинциальном городке было много мест, не тронутых машинами и людьми, поэтому снег сходил очень медленно.

Примерно в тот период я впервые узнала, как подобная белизна может подавлять людей и внушать им страх. Однажды после снегопада я ехала по дороге, как вдруг сердце бешено забилося и мне стало так трудно дышать, что пришлось остановиться на обочине. Казалось, внутри разом рухнули все защитные стены. Словно механизм, который был создан для того, чтобы сдерживать чувства, внезапно вышел из строя.

В первый же день работы в обсерватории меня спросили, замужем ли я. После моего ответа, что была однажды, последовали вопросительные взгляды, и мне пришлось добавить, что я развелась в прошлом году. Я старалась выглядеть невозмутимой, но сердце забилося сильнее, и я вся словно съежилась. Собеседники, неловко улыбаясь, поспешили сменить тему.

Возвращаясь после работы в отель, я просто лежала на кровати. Из открытого окна доносился шум волн. Иногда я продолжала прислушиваться к их плеску, даже если сама тем временем превращалась в ледышку. Нужно было встать и закрыть окно, но тело не слушалось. У меня не было сил даже налить себе стакан воды, и я так и лежала с пересохшим от жажды горлом.

В зеркале я видела свое тощее отражение – кривая спина, торчащие плечи без следа мышц. Волосы выпадали так сильно, что пришлось сделать каре, от этого я сама себе казалась незнакомкой. Моим единственным утешением были телефонные разговоры с Чиу.

Обычно она звонила мне после захода солнца. Чиу плакала и ругалась вместо меня, она была одной из немногих людей, которые действительно беспокоились обо мне.

– Вот бесстыжий сукин сын! – говорила подруга.

Она называла моего бывшего мужа сукиным сыном.

– Интересно, почему «сукин сын» стало ругательством? – спросила я у нее.

Чиу сказала, что сукин сын – это не детеныш собаки, а просто «выродок», то есть выходящий за рамки «нормальной семьи». Дойдя в своем объяснении до этого момента, подруга вдруг заявила, что это и правда плохое слово и она впредь не будет его использовать. Затем она последовательно перебрала такие слова, как «сукин сын», «псих» и «урод», и задалась вопросом, почему люди такие незрелые и почему ругательства – это обязательно уничтожение слабых.

– Нам нужны новые ругательства. Чтобы нормально выпустить злость, – таким был вывод Чиу.

Положив трубку, я написала на листке бумаги: «сукин сын». Несмотря на этимологию, никто не использует это словосочетание в его изначальном смысле. Я представила себе щенка. Вилия хвостиком, он прижимался к штанине человека, которому до него совершенно не было дела.

Почему все же люди говорят «сукин сын», или «щенок», когда хотят кого-то оскорбить? Может, потому, что собаки слишком хорошо к нам относятся? Потому, что любят нас безо всяких условий, не уклоняются от ударов и продолжают вилить хвостом? Потому, что их послушание и симпатия вызывают у нас презрение? Получается, все дело в людях? Думая об этом, я продолжала смотреть на написанное. Казалось, что этот щенок и есть я.

Если сердце – это всего лишь орган, который можно извлечь из тела, то иногда мне хотелось достать его из груди и начисто вымыть теплой водой, обсушить и вынести на солнце – туда, где гуляет морской бриз.

Сама бы я пока пожила без сердца, а затем, снова вложив в грудь хорошо просушенный, мягкий и приятно пахнущий орган, смогла бы начать жизнь заново. Иногда я воображала себе такое.

В день переезда я принесла вещи, которые все это время валялись на заднем сиденье машины, в новую квартиру. Имущества у меня было немного: одежда и посуда, книги и ноутбук, телескоп и телевизор.

Дом, в котором мне предстояло жить, располагался на возвышенности в западной части города. На подъезде к жилому комплексу имелся сетевой супермаркет, а с обратной стороны начиналась горная тропа для прогулок. В нескольких частных домах около супермаркета дворы превратили в огороды, неподалеку бежал ручей. На улице, тянувшейся к северу от жилого комплекса, теснились частные и многоквартирные дома. Если пройти на восток, можно было попасть на пляж. Его называли Черепашьим, потому что там стояла черная скала, похожая на панцирь. В окрестностях пляжа было много ресторанчиков, подающих туристам хве³ и жареных моллюсков, но зимой улицы приморского городка пустовали.

Я переехала не так давно, но мне казалось, что я живу здесь целую вечность. Здесь было невероятно тихо. После жизни в Сеуле такая тишина меня даже немного пугала.

В то время я одновременно и ненавидела людей, и отчаянно желала найти родственную душу. Мне хотелось болтать вечерами напролет с друзьями, как раньше в Сеуле, хотелось, чтобы хоть кто-то был всегда рядом, на расстоянии вытянутой руки, чтобы он всегда был на моей стороне. Но при этом я не стремилась иметь слишком близкие и прочные отношения, в которых доверяешь человеку самое сокровенное и полагаешься друг на друга во всем. Для меня семейная жизнь была именно такой, но теперь я больше не верила, что подобные отношения возможны.

Ближе к концу зимы я снова научилась закрывать окна, когда становилось холодно, и пить воду, когда пересыхает в горле. По ночам мне все еще было тяжело, но я больше не рыдала, сжимаясь всем телом в комок. Я снова научилась спать по два или три часа подряд. Но на вопрос «Стало ли лучше?» я пока еще не могла с легкостью дать положительный ответ.

Мама приехала навестить меня спустя два месяца после моего переезда.

³ Корейское блюдо из сырой рыбы, нарезанной ломтиками.

Она покопалась в мусоре, стоявшем в прихожей, проверяя, правильно ли я его рассортировала, сняла обувь и прошла в квартиру. На кухне достала из коробки, которую привезла с собой, упаковки свекольного и капустного сока и набила ими овощной отдел холодильника.

– Куда повесить? – спросила она, протягивая свои вещи.

Я взяла куртку, повесила в шкаф к себе в комнату и снова вышла в гостиную. Мама уже лежала на диване с закрытыми глазами. Я размешала в чашке пакетик растворимого кофе и поставила на журнальный столик рядом с диваном.

– Ты слишком молода, чтобы заточить себя в этой глуши, – заметила она, все еще не открывая глаз.

– Здесь не глушь. И работа хорошая, – ответила я и замолчала, но через несколько мгновений все же спросила: – Mam, ты ведь бывала в Хвирёне? Навещала бабушку?

– Сама знаешь: мы не в таких отношениях. А что? Собралась увидеться?

– Нет, но...

– При первой же возможности возвращайся обратно в Сеул. Ты, случайно, не из-за зятя, ой, я имею в виду... В общем, не из-за него себя так ведешь? Боишься случайно встретить его?

– Я все равно бываю только дома или в лаборатории. Мне неважно, в Сеуле жить или в Хвирёне.

– А мне молодость твою жалко. Не помешало бы тебе найти кого-то. – Мама села и, подув на кофе, сделала глоток.

– Я прекрасно могу прожить и без мужчины, мам.

– Сама знаешь: разведенка никто ни во что не ставит. Обсуждают за глаза.

Я молча посмотрела в окно. «Мне лучше всех об этом известно, мам». Люди пахнут землю трактором. Видимо, собираются что-то посадить. Летом и осенью пейзаж за окном будет что надо. Нет смысла подгонять человека – от этого ничего не изменится. Никто ведь через силу не пашет землю зимой.

– Мир изменился, мам. Не думай, что сейчас все так же, как и в твои времена.

– Пусть и плохонький, а муж есть муж. За ним как за каменной стеной. Женщина должна быть при мужчине, чтобы люди не относились к ней как попало.

– Mam!

– Я побольше твоего прожила – знаю, что говорю.

Не в силах больше сдерживаться, я вышла из квартиры. Нельзя прожить без мужчины? Кто бы говорил – ее саму всю жизнь эксплуатировала семья мужа. Да так, что у нее даже не было времени поехать в гости к собственной матери. Выйдя замуж за старшего сына в семье с тремя сыновьями, мама никогда не ездила на праздники к своей родне. На каникулах у нас иногда гостили папины родственники, но бабушка не приезжала ни разу. Хотя отношения с бабушкой разладились не только по этой причине, маме так или иначе было бы сложно видаться с ней.

«И все-таки хороший у меня зять», – постоянно приговаривала мама. Твердила, что если мужчина не бьет, не играет в азартные игры и не изменяет, то он уже идеал и на большее рассчитывать не стоит. В этом смысле мой бывший муж был для мамы хорошим. До тех пор, пока не стало известно о его изменах.

Мама всегда повторяла, что надежда есть только в замужней жизни, но, если прислушаться к ее словам, казалось, что это именно у нее нет никакой надежды на мужчин. Ведь если довольствоваться только тем, что мужчина не бьет, не играет в азартные игры и не изменяет, то это какое-то поразительное отсутствие веры в людей.

Я бездумно шла вперед, пока не оказалась у супермаркета. Купив мороженое, побрела домой. Пытаясь глубоко дышать, чтобы успокоиться. Мама встретила меня безразличным взглядом. Я протянула одно мороженое ей, открыла другое себе и попыталась продолжить разговор как ни в чем не бывало.

Она поинтересовалась, не страшно ли мне жить одной, нравится ли новая работа. Посетовала, что некому будет присмотреть за мной, если я заболею или что-то случится, ведь я здесь никого не знаю. Спросила, не одиноко ли мне, и сказала, что это ее беспокоит.

– Мне хорошо одной, мам, – больше мне нечего было ей ответить.

Я уже давно перестала надеяться, что она будет целиком и полностью на моей стороне или хотя бы попытается понять мои чувства. Даже когда я сказала, что развожусь, она беспокоилась больше не обо мне, а о зяте, который останется один после развода.

«О тебе-то я не переживаю. Но он же такой слабовольный, а если покончит с собой? Ты возьмешь на себя ответственность?» – с упреком спросила она меня тогда.

Услышав некоторые вещи, понимаешь, что никогда не сможешь их забыть. Для меня такими стали именно эти слова. Мама позвонила мне, чтобы пожаловаться на то, как ей тяжело из-за моего развода, как она страдает и хандрит. Более того, она сообщила, что даже позвонила моему бывшему мужу и пожелала ему счастья. Мою боль, судя по всему, она не брала во внимание.

Я знала, что людям всегда легче сочувствовать мужчинам. Поэтому они поливали грязью меня, упоминая о нашем разводе, и, даже прекрасно зная, что он изменял мне, искали в этом мою вину – ведь это я обязательно должна была дать ему повод для измен. Но от осознания того факта, что даже собственная мать сочувствует не своей дочери, а чужому сыну, напрочь игнорируя мою боль, я окончательно сломалась.

– Твой папа не рассказывает никому, что ты развелась, – равнодушно заметила она.

– Наверное, стыдится меня.

– И все равно таких, как твой отец, больше нет.

– Да ну?

– Как бы там ни было, отец есть отец. Не смей так говорить.

«Подумаешь, мужчина один раз изменил, это не причина для развода. Подумай, какую боль ты причинишь зятю. Ты должна быть великодушной. Все так живут», – сказал мне папа, когда я приняла решение о разводе. Меня не удивило, что он думал в первую очередь о зяте, а не обо мне. Потому что я никогда и не надеялась, что отец встанет на мою сторону.

Еще не село солнце, а мама встала с дивана и засобиралась. Я подвезла ее до автовокзала, а на обратном пути заметила старушек, которые, разбившись на группки по несколько человек, катили по дороге тележки.

Это был субботний вечер в конце марта. Возвращаясь с прогулки по окрестностям, я встретила на холме старушку. Мы уже несколько раз сталкивались с ней в лифте, и она каждый раз молча улыбалась и приветливо смотрела на меня. Она была модницей: щеголяла в разноцветных пуховиках – то в неоновом-розовом, то в серебристом. В тот день она была одета в пепельно-розовую куртку и катила перед собой тележку канареечного цвета. Я кивнула в знак приветствия и хотела было пройти мимо, но она вдруг помахала мне рукой со словами:

– Сказали, что сегодня будут продавать дешевые яблоки – вот, сходила на фруктово-овощной рынок, недалеко тут.

– Понятно.

Она достала из своей тележки на колесах яблоко и протянула мне.

– Вот, попробуйте – медовые!

– Да что вы, не стоит.

Я заподозрила, что старушка хочет заманить меня в какую-нибудь религиозную секту, но продолжать отказываться от яблока было невежливо, так что мне пришлось просто сунуть его в карман.

– Фруктово-овощной рынок... Это тот, что возле мэрии?

– Там дешевле всего.

Мимо нас проехало несколько человек на скутерах. За спиной старушки сверкало море, окрашенное вечерними солнечными лучами в золотой цвет. Дул мягкий бриз.

– Вы не подумайте ничего странного, – сказала она. – Просто вы похожи на мою внучку. Дочь моей дочери. В последний раз я ее видела, когда ей было десять. – Старушка взглянула прямо мне в глаза. – Мою внучку зовут Чиён. Ли Чиён. А дочь – Киль Мисон.

Я внимательно всмотрелась в лицо этой женщины. Она только что назвала наши с мамой имена. Нужно было что-то сказать, но ничего не приходило в голову.

– Внучка живет в Сеуле, так что ей незачем сюда приезжать, – продолжила она, глядя мне в глаза.

– И все же я здесь, – ответила я.

Бабушка улыбнулась мне, словно ей давно уже все было известно. Мы стояли на холме, смущенно глядя друг на друга. Ее лицо приняло шутливое выражение, и я поняла, что она узнала меня с самого начала.

– Бабушка!

– Давно не виделись, – кивнула она в ответ.

2

В тот день, возвращаясь вместе домой, мы почти не разговаривали. Казалось, что бы мы ни сказали, неловкости не избежать. В лифте я нажала на кнопку пятого этажа. Бабушка нажала на десятый и заметила:

– А ты высокая, в маму.

– Да... наверное.

Во время этого краткого диалога я рассмотрела ее вблизи. Густые для ее возраста, коротко остриженные некрашенные волосы, широкий лоб, продолговатые глаза с гладкими, без складки веками, нос прямой и высокий; над верхней губой тянулась ложбинка, покрытая нежным пушком, губы – полные, почти лиловые. От уголков глаз и рта разбегались тонкие смешливые морщинки, а переносицу прорезали две глубокие складки.

Ростом бабушка была немного ниже меня, но спину держала ровно. Морщинистая рука, которой она опиралась на тележку, была покрыта коричневыми пигментными пятнами. В ней не было почти ничего похожего с мамой. Я вспомнила мамин узкий лоб и черные волосы, которые она постоянно красит, потому что ненавидит седину.

Единственным чувством, которое я испытала от воссоединения с бабушкой, была неловкость. Она казалась настолько незнакомой, что я даже ненадолго засомневалась, действительно ли эта пожилая женщина – та самая моя бабушка, которую я знала в далеком детстве. Еще я беспокоилась о том, что должна сказать ей при следующей встрече, не станет ли она вмешиваться в мою жизнь только на том основании, что она моя родная бабушка, не узнают ли все вокруг, что я ее внучка, приехавшая из Сеула, вопреки моему желанию жить анонимно.

В следующий раз я увидела бабушку утром через несколько дней, по дороге на работу. На парковке стоял грузовичок, в который по очереди усаживались несколько старушек. Все они были одеты в пеструю рабочую одежду. Наблюдая за ними, я встретила глазами с бабушкой, которая в этот момент тоже собиралась сесть в грузовик. Она приветливо улыбнулась и помахала мне рукой. Я застыла на мгновение, но тоже помахала ей в ответ.

– Давай, а то опоздаем, – торопили ее старушки, и она тоже погрузилась в автомобиль.

– Я на сдельщину еду, сдельщину! – крикнула мне бабушка. – Пока!

Я молча наблюдала, как грузовик быстро скрывается из моего поля зрения.

Если бы у меня не было воспоминаний о бабушке из детства, я бы, возможно, чувствовала только ненужное давление от встречи с ней. Но мне тридцать два, и я все еще помнила, как она рассказывала мне истории, над которыми мы вместе когда-то смеялись.

В бабушкиных глазах я выгляжу не как внучка, а как незнакомая женщина за тридцать, с которой сложно иметь дело. Я для нее не милая любимая внучка, которую хочется оберегать, а всего лишь ребенок дочери, да и с той они не ладят. Меня не смущали щекотливость, неловкость и сложность наших отношений, но удивляло некое слабое подобие привязанности, которое скрывалось где-то на дне под этими эмоциями.

Когда следующим вечером я столкнулась с бабушкой в супермаркете, неловкости, которой я остерегалась, не возникло. Она шла к кассе, неся в корзинке бутылку густого соевого соуса и пачку растворимого кофе в пакетиках. Я встала в очередь за ней.

– С работы идешь? – поинтересовалась она.

– Да, вот купила поесть по пути домой, – ответила я, указав на клубнику, яблоки, хлопья, молоко и кимчи в моей корзинке.

На этом разговор прервался. Я не могла придумать подходящую для беседы тему, и бабушка, судя по всему, тоже. Расплатившись, она сложила свои покупки в тележку и направилась к выходу. Я тоже заплатила за свои продукты и догнала ее.

– Я вас подвезу.

– Все в порядке, тут же всего пять минут пешком. Не беспокойтесь, – обратилась она ко мне на «вы», видимо, почувствовав неловкость.

– У вас тяжелые пакеты, давайте я вас подвезу. Мне же все равно по пути.

– Ну хорошо, буду признательна...

Наблюдая за тем, как она садится в машину, я заметила, что, несмотря на прямую осанку, бабушке тяжело сгибать поясницу. Когда она выходила, ее движения тоже были медленными. Как бы бодро она ни выглядела со стороны, все равно старость брала свое. Я шла к лифту не спеша, подстраиваясь под ее темп.

– А чем вы обычно занимаетесь?

Она ненадолго задумалась, прежде чем ответить:

– В страдную пору езжу на сдельщину в соседнюю деревню...

– А что такое сдельщина?

– Ну как? Сдельщина. Не знаешь, что ли?

Я пожала плечами.

– Это когда помогаешь на поле. Я-то старая уже, одной не по силам работать – вот мы и ездим с другими бабками на виноградник, помогаем там понемногу. Ножницами орудуем, вот так, – произнесла она, изображая пальцами ножницы. – Ветки обрезаем, а когда виноград вырастает, накрываем его целлофаном, потом в коробки складываем. Такие дела.

– Но в вашем возрасте...

Бабушка улыбнулась:

– Тяжко просто сидеть и ждать, пока смерть за тобой придет. А так и с подругами поболтать можно, и денег заработать. Красота! Подвигаешься малость, и ночью потом хорошо спится.

Я не ожидала, что лифт будет так медленно ехать с седьмого этажа. Не зная, о чем еще можно поговорить, после небольшой паузы я сказала:

– А чем вы занимаетесь, когда не работаете?

– Я-то? Лежу, телевизор смотрю или в клуб для стариков захоживаю. Ничего особенного.

В этот момент лифт спустился, мы зашли и молча уставились на электронное табло с номерами этажей. Но когда я уже выходила на своем, бабушка, словно пытаясь удержать меня, сказала:

– Будет время – заходи в гости. Но только если будешь свободна! Если занята, не приходи!

Я отправилась к ней в воскресенье, вскоре после нашего разговора. Мы условились о встрече, когда в очередной раз случайно столкнулись в лифте. Я сказала, что как-нибудь зайду, и она так сильно обрадовалась, что мне от растерянности пришлось назначить конкретный день.

Я сходила на рынок за свежими розами, купила в магазине неподалеку бутылку вина и маленький торт со взбитыми сливками. В лифте я нажала на кнопку десятого этажа вместо пятого. Пройдя вперед по коридору, я увидела, что дверь в квартиру открыта нараспашку. Из нее по подъезду разносились запахи вареного риса, супа и жареной рыбы. Я остановилась перед дверью и позвала:

– Бабушка!

Она появилась в прихожей, нарядная в горчичное платье и домашние тапочки с цветочным узором.

– Проходи, проходи! Цветы? Ну что ты, не стоило, – замахала она руками.

На стене в прихожей висела картина маслом с изображением трех яблок. Планировка квартиры была такой же, как у меня. На балконе листья капусты были разложены на сушке для белья, а в большой корзине лежало несколько мандаринов сорта «халлабон»⁴. Три тележки

⁴ Особенно ценный сорт мандаринов с острова Чечжудо, назван в честь горы Халласан.

стояли в ряд, на них висели неразобранные сетки с зеленым и репчатым луком, яблоками, чесноком и сушеной морской капустой. Я прошла на кухню и поставила торт с вином рядом с раковиной. Вся кухня была наполнена запахом имбиря.

– Сядь вон там, подожди, – скомандовала бабушка, почти подталкивая меня к дивану, когда я предложила ей свою помощь.

Это был трехместный коричневый диван из кордовой ткани. Подлокотники были стерты до блеска, а сиденья сильно проседали. Решив, что для моей спины это слишком, я тихо сползла с дивана на пол. Напротив стоял маленький телевизор, но экран мелко дрожал и шипел. В углу за телевизором бросался в глаза огромный треугольник стены без обоев.

– Давайте я хотя бы разложу приборы, – предложила я, не зная, куда себя деть.

Бабушка замахала руками:

– Иногда надо уметь просто быть гостем.

Я осталась сидеть на месте, уткнувшись взглядом в обеденный стол на четыре персоны. Он выглядел так, словно им почти не пользовались. Бабушка принесла на подносе закуски и приборы и поставила их на стол. Передо мной поочередно возникли жареная камбала, морская капуста, перцовая паста с уксусом, тушеная редька и кимчи из молодой редьки. Затем последовали рис с каштанами и фасолью и капустный суп. Вместо воды бабушка налила мне травяной чай с семенами кассии торы⁵. Мы сели друг напротив друга и взяли палочки для еды.

– Спасибо, выглядит очень вкусно, – сказала я.

– Ох, я забыла положить чеснок, не знаю, как будет на вкус, – пробормотала бабушка и озабоченно уставилась на меня.

Суп оказался немного пересоленным, но все же довольно аппетитным.

– Вкусно.

Бабушка покосилась на меня с подозрением.

– Честно. Капуста хорошо проварилась, мягкая, очень вкусно.

– А соль как, нормально?

– Да.

Только теперь бабушка тоже поднесла ложку ко рту.

– Да, и правда вкусно. – С этими словами она засмеялась, и мне в глаза бросились ее губы, покрашенные темно-розовой помадой.

Кажется, она даже сделала укладку, потому что ее волосы выглядели объемно. Я удивилась, осознав, что бабушка очень постаралась, чтобы хорошо выглядеть передо мной. Убрав косточки, я положила мякоть камбалы на ее рис. Немного подсушенная мякоть была жилистой, а жаренная в масле корочка ароматно пахла. Я собиралась поесть немного из вежливости, но у меня вдруг разыгрался аппетит, и я накинулась на еду. Давненько мне уже не приходилось ощущать такого приятного чувства сытости. В итоге я даже не заметила, как опустошила целую чашку риса, не перемолвившись с бабушкой и словом.

– Еда вкуснее, когда ешь с кем-то, – заметила она.

В этом я не могла с ней согласиться, но все равно кивнула. Вкус еды зависит от того, с кем ты ее ешь. Очень часто мне было намного удобнее есть в одиночестве за просмотром «Нетфликса». Но рядом с бабушкой еда и правда казалась вкусной. Есть вместе с ней было вкусно.

– Будешь еще?

– Нет, спасибо, я наелась. А еще торт...

– У кого-то сегодня день рождения? – с улыбкой поинтересовалась бабушка.

– Просто торты ведь вкусные.

– И то верно.

⁵ Традиционный тонизирующий чай.

– Вы тоже любите торты?

– А как же! – шутливо ответила она.

Мы вместе убрали со стола. Оклеенные светло-зелеными обоями кухонная зона и стенной шкаф были довольно старыми, а у одного из посудных шкафчиков отвалилась дверца. Но в целом все выглядело неплохо. На раковине стояла кружка с травой минари⁶. Я протерла стол полотенцем, а бабушка разрежала торт и положила по кусочку на отдельные тарелочки. Затем мы налили в стаканы для воды вина и стали медленно пить.

В тот день бабушка не спросила у меня ничего о моей ситуации. Она, скорее всего, слышала от мамы о том, что я была замужем, но все равно не стала ничего спрашивать об этом. Вместо этого она интересовалась, что я изучала в университете, чем занимаюсь на работе, как провожу свободное время.

– А у вас очень хорошая кожа, прямо светится, – заметила я.

– Все так считают. Когда хожу в клуб для стариков, все говорят, что можно не включать лампочки. Потому что мое лицо освещает все вокруг.

Поведение бабушки, отбросившей притворную скромность, показалось мне забавным, и я рассмеялась.

– У мамы ведь тоже хорошая кожа. Такая мягкая, и прыщей не бывает. В этом я на нее не похожа. Да если честно, и вообще ни в чем.

– Я тоже с твоей матерью не особо похожа. Она – копия твой прадед.

– Я и на папу не похожа.

Бабушка внимательно всмотрелась в мое лицо и сказала:

– А я знаю, на кого ты похожа.

– И на кого же?

– Погоди-ка.

Бабушка ушла в спальню и через несколько минут появилась, держа в руках фотоальбом.

– Посмотри. – Она открыла альбом и протянула его мне.

С фотографии мне улыбались две женщины, одетые в белые чогори⁷ и черные юбки. Мне в глаза бросилась та, что стояла слева. Волосы женщины были разделены ровным пробором посередине и скручены в пучок на затылке.

– Кто это? – спросила я, указывая на ее лицо пальцем.

Бабушка слегка дотронулась до фотографии.

– Можно сказать, что это ты, и люди поверят.

И она погладила краешек альбома.

Темные глаза, один с двойным веком, другой без, не слишком густые брови, круглый лоб и короткий подбородок и даже маленькие уши – женщина на снимке была вылитая я. Не только внешность, но и ее поза и выражение лица были схожи с моими. Заметив, что я не могу отвести глаз от фотографии, бабушка спросила:

– Ты что-нибудь слышала о моей маме?

Я помотала головой. «У меня нет родни» – это единственное, что я слышала от своей мамы.

– И то верно. Мы ведь с тобой почти не виделись, – покачала головой бабушка, но по ее голосу чувствовалось, что она расстроена из-за того, что моя мама ничего не рассказывала мне о своей бабушке. Повисла тишина.

– А как звали прабабушку?

– Ли Чонсон. Но все звали ее Самчхон, тетушка Самчхон.

– Почему?

⁶ Съедобная зелень, по вкусу похожая на петрушку, часто употребляемая в пищу в Корее и других странах Азии.

⁷ Традиционная блуза с бантом национального корейского костюма ханбок.

- Потому что она была родом из Самчхона.
- А где это? Я впервые слышу.
- Это местечко в трех часах езды на поезде от Кэсона⁸.
- Это же ваша родина!

Я знала, что бабушка родом из Кэсона, потому что как-то раз мельком слышала об этом от мамы.

– Да. Мама перебралась в Кэсон до моего рождения. Ей тогда только исполнилось семнадцать.

За окном уже садилось солнце. Я понимала, что пора идти домой, но уходить не хотелось. Мне было интересно послушать, что расскажет бабушка. Я молчала, но все же осмелилась спросить:

- Какой она была?
- Кто? Моя мама?
- Да.

Бабушка хотела что-то сказать, но вдруг передумала, потом снова открыла было рот и опять промолчала. Улыбка, не покидавшая все это время ее лицо, теперь исчезла, и она о чем-то глубоко задумалась.

– Знаешь... – наконец произнесла она, глядя на меня, – я по ней скучаю.

Бабушка некоторое время внимательно разглядывала мое лицо, словно перед ней сидела ее мать, а потом с усилием улыбнулась:

– Просто я очень сильно по ней скучаю.

Увидев, что в ее глазах стоят слезы, я испугалась и отвернулась, сделав вид, что ничего не заметила.

– Прости, что-то я совсем расклеилась, – с этими словами бабушка залпом выпила остатки вина.

Некоторое время мы не произносили ни слова. Я долила еще вина в ее пустой стакан и спросила:

- А фотографий прадедушки у вас нет?
- Нет, – с улыбкой посмотрела она на меня.
- Каким он был?

Бабушка задумалась, прежде чем ответить:

– Мой отец родился в семье плотника. Говорили, дедушка занимался гончарным делом. Раньше ведь были гонения на самых первых католиков в Корее. А мой отец был их потомком.

Самый первый предок в нашей семье, который начал верить в Бога, был конюхом. Когда господин, которому он служил, внезапно заявил, что с этого момента они больше не хозяин и слуга, а товарищи, предок решил, что тот окончательно лишился рассудка, и пожалел его. По словам бабушки, до сих пор непонятно, как так вышло, что в итоге он стал католиком вслед за хозяином. Три года спустя их с переломанными ногами выволокли на Сэнамтхо⁹ и казнили, воткнув в уши стрелы.

С этого все и началось. Те, кто остался в живых, прятались в горах, собирая уголь и выжигая глиняную посуду. Прошло время, и скрывать веру в Господа уже не было нужды, но к людям, которые отказались от старых обычаев и не уважали память предков, как было заведено исстари, в народе всё еще относились холодно. Прапрадедушка, будучи сноровистым и рукастым, строил дома, благодаря чему сумел сколотить состояние. У него было четыре дочери

⁸ Город в провинции Хванхэ-Пукто на юге КНДР.

⁹ Место на северном берегу реки Ханган в Сеуле. В эпоху Чосон (до конца XIX века) это была песчаная территория за пределами городских стен, использовавшаяся для наказания политических заключенных, в том числе верующих католиков, священников и миссионеров. Смертная казнь применялась редко, осуществлялась за самые тяжкие грехи, в частности путем вонзания стрелы в ухо; казни предшествовали долгие пытки и избиение большими и малыми батогами.

и три сына, и он даже мог позволить себе отправить в школу всех троих сыновей. Мой прадедушка был самым младшим из них.

– И зачем я об этом заговорила? Ах да, мой отец... Я хотела рассказать тебе, как так вышло, что мой отец оставил свою семью и встретил маму. Такое не с каждым случается. Когда сходишь с ума по человеку. В какой-то момент, вдруг. Просто абсолютно сходишь с ума... – задумчиво проговорила бабушка.

Прадедушке было девятнадцать лет, когда начались разговоры о его женитьбе. Однако он заявил отцу, что у него уже есть девушка, на которой он собирается жениться. Узнав о том, что избранница сына – дочь мясника, прапрадед только засмеялся: настолько это было нелепо. Но выслушав его, он понял, что тут не до смеха. Прадедушка вырос в лоне церкви, которая учила, что каждый человек ценен и что низкое положение не определяется происхождением, что судьба каждого находится только в его руках. И это несмотря на то, что в то время к дочери мясника относились хуже, чем к собаке или к лошади.

Когда прапрадед возмутился, как сын мог даже подумать о свадьбе с дочерью мясника, тот ответил, что мясник тоже сын Господень и церковь велит считать всех равными.

– В Библии про мясников ничего не писали, – заявил прапрадед, от ярости пинком перевернув жаровню.

Прадедушка вышел из дома, забрал прабабушку и сел вместе с ней на поезд до Кэсона.

– А у прабабушки разве не было семьи? – спросила я.

– Была, конечно. У нее была мать.

Отец скончался, когда она была еще маленькой, но у нее оставалась мать. Хотя к тому времени она уже долго болела и со дня на день ждала смерти. Прадедушка подошел к матери прабабушки, которая лежала у печи в глубине комнаты, и сказал, что женится на ее дочери и заберет с собой в Кэсон. Старая женщина посмотрела опухшими глазами на дочь, по ее щекам без конца лились слезы.

– Поедем вместе, – прапрабабушка схватила дочь за подол юбки и взмолилась: – Возьми меня с собой.

Ее хватка оказалась на удивление цепкой для умирающей старухи, и прабабушка с трудом оторвала пальцы собственной матери от своей юбки. Когда она наконец с трудом вырвала подол, мать некоторое время лежала в тишине, а потом тихо произнесла:

– Ладно, ступай. Но знай: в следующей жизни я рожусь твоей дочкой. И отплачу тебе за то, как ты обошлась со своей матушкой. Тогда и свидимся. Свидимся снова.

Прабабушка вышла из дома, ни разу не обернувшись. Ей казалось, что она не сможет уйти, если обернется хотя бы раз. За спиной был дом, в котором она прожила семнадцать лет; дом, в котором все еще витал тошнотворный запах забитого скота; дом, в котором ей приходилось самой вычерпывать нечистоты, потому что даже чистильщики отхожих ям не хотели иметь с ней дела; дом, в котором ей частенько ни за что прилетало камнем по голове, когда она просто присаживалась полюбоваться цветами на закате солнца; дом, о котором у нее не осталось ни единого хорошего воспоминания. Когда, покинув этот дом, прабабушка шла к железнодорожной станции, этот короткий путь казался ей дорогой длиной в тысячу ли¹⁰, по которой она ступала в обуви из свинца.

Но она должна была уехать. Потому что это был единственный способ выжить. Извергая из себя желудочный сок в туалете поезда, прабабушка думала только об одном. Она забудет. Она все забудет. Она больше никогда не оглянется назад.

Бабушка сказала, что понимает, почему отец помешался тогда на ее матери. В глазах прабабушки горели любопытство и шаловливость, свойственные только детям. Такой уж она родилась. С какой это стати дочь мясника расхаживает с таким уверенным и довольным видом?

¹⁰ Корейская мера длины, равная 500 метрам.

За это в детстве она часто получала тумаки: «Эй, склони голову! Как ты смеешь встречаться взглядом со знатными людьми?»

Но прабабушка была не такой, она просто не могла ходить, опустив голову вниз. Даже если пыталась, упрямая голова поднималась сама собой. Задрав ее вверх, она смотрела в небо. Наблюдая за стаями птиц, летающими в вышине, она забывала обо всем. Ее интересовало все. Окружающий мир и люди. Это любопытство и послужило причиной ее встречи с прадедушкой.

В молодости она торговала вареной кукурузой у вокзала, а после работы наблюдала за людьми или прогуливалась вдоль рельсов. Однажды ей стало интересно, как далеко простирается эта железная дорога. Не в силах сдержать любопытство, она подошла к молодому человеку, который шел навстречу, и спросила:

– Скажите, на сколько ли растягивается эта дорога?

Только выпалив вопрос, прабабушка пришла в себя. Дочь мясника посмела встать на пути у господина, за это он мог запросто избить ее. Но юноша, задумавшись, рассеянно смотрел в пустоту:

– Если на север дорога идет до Синийджу, а на юг до Пусана... Сколько же это ли...

Он не проявил никакого интереса к кусочку черной ткани, прикрепленному к ленте на чогори прабабушки. Не обращая внимания на этот знак, выдающий ее принадлежность к презренному роду мясника, парень просто молча смотрел на рельсы. Когда она уже собралась уйти, он вдруг выпалил:

– Если придешь сюда завтра в это же время, расскажу. Мой товарищ изучает железные дороги, я спрошу у него.

Еще до встречи с прабабушкой прадед хотел уехать в Кэсон. Или даже не в Кэсон, а куда угодно – он просто хотел сесть в поезд и уехать как можно дальше из родных мест. Его с самого детства влекло куда-то. Если родители поручали ему дать корове сена, он уходил вместе с коровой так далеко, как только мог уйти пешком, и после захода солнца всей деревне приходилось выходить на его поиски. Бабушка сказала, что иногда пытается представить себе отца, с потерянными выражением лица возвращающегося домой после наступления темноты.

Впервые увидев поезд, прадед был потрясен. Глядя, как тот несется на немыслимой скорости, он почувствовал, что у него кружится голова, а сердце выскакивает из груди. Он мгновенно влюбился в доносящийся издали мощный гудок паровоза и стук колес по рельсам.

Как только представлялась возможность, он два часа шел пешком от своего дома до вокзала, чтобы прогуляться по железной дороге. Заслышав издали приближающийся поезд, он замирал на месте, а потом в последний момент приходил в себя и отпрыгивал в сторону. С оглушающим грохотом, от которого барабанные перепонки грозили лопнуть, поезд проносился мимо, и вибрация от него, пройдя сквозь землю, проникала прямо в его тело.

Среди множества людей, торгующих едой перед вокзалом, он запомнил ту девушку. Кусочек черной ткани на одежде, означающий принадлежность к роду мясника, еще немного детское, загорелое дотемна лицо, крупные ладони, которыми она подавала кукурузу. Он помнил ее.

– Скажите, на сколько ли растягивается эта дорога? – Услышав ее голос, он вдруг понял, что уже проживал этот момент.

Точно, именно в этом месте стояла девушка с загорелым дотемна лицом, а затем раздался гудок паровоза, и мимо пролетела сорока¹¹... Не успел он об этом подумать, как действительно издали послышался гудок паровоза, а в небо к западу взмыла сорока. Глядя, как девушка спускается с насыпи и машет ему рукой, зовя за собой, прадедушка подумал: нельзя допустить, чтобы этот мимолетный миг так и остался мимолетным. Это было странное предчувствие.

¹¹ В Корее сорока считается символом благопожелания и хороших вестей.

– Если придешь сюда завтра в это же время, расскажу, – так он ответил девушке, которая смело смотрела прямо ему в глаза.

Прадедущка подумал, что если ответит ей сразу, то больше не сможет с ней поговорить, и от этой мысли ему стало немного грустно. На сколько ли растягивается эта дорога? На этот вопрос он и сам с легкостью мог ответить, даже если бы его разбудили среди ночи.

На следующий день он снова два часа шел пешком до вокзала и ждал ее на том же месте. Прошло около четверти дня, но она так и не появилась. Он решил, что перепутал место встречи, и принялся бродить туда-сюда по рельсам, но она так и не пришла. Только вернувшись домой после захода солнца, он вспомнил, что девушка не ответила ему. На его предложение встретиться завтра она просто бросила на него безразличный взгляд и пошла своей дорогой. И почему он был так уверен, что она придет, если даже не получил ответа? Ему стало стыдно.

Даже вернувшись домой, он не мог перестать думать об этой девушке. Как дочь мясника могла так невозмутимо обратиться с вопросом к господину, как она посмела так пронзать человека взглядом, почему этот момент он проживал уже не впервые, почему именно в ту минуту, когда эта загорелая девушка смотрела на него, прогудел паровоз и взлетела сорока, откуда взялась эта уверенность, что нельзя позволить тому мимолетному мигу остаться мимолетным? Она ведь дочь мясника.

Эти мысли не давали ему покоя. Существование этой девушки нельзя было скомкать и уместить только в одно определение «дочь мясника». Но, даже понимая это, он пытался отрицать свои чувства к ней именно потому, что она дочь мясника, и от этого ему стало безмерно грустно.

На следующий день он снова прошел пешком длинное расстояние до вокзала. Она сидела на углу и продавала кукурузу. Лето уже подходило к концу, и даже днем в воздухе не чувствовалось духоты. Он медленно подошел к ней и попросил продать ему всю оставшуюся кукурузу. Не узнав его, она приняла деньги и протянула несколько початков.

– Спасибо, сегодня я смогу пойти домой пораньше, – поблагодарила она его, собирая вещи.

– Я ждал вчера, – поспешно выпалил он.

Только теперь она узнала его.

– Ты всегда так одна ходишь?

Ответа не последовало.

– Я просто беспокоюсь.

– Все в порядке. Я и сама отлично справляюсь, – натянуто ответила она, собираясь уходить.

– Тебе же было интересно, на сколько ли растягивается железная дорога...

– И поэтому вы позвали меня встретиться на следующий день? – Она холодно уставилась на него. – Если знаете – скажите, а нет – так нет. Я человек занятой. Некогда мне тут с вами лодырничать.

С этими словами она прижала к боку плетеную корзину и отправилась восвояси. А он остался стоять столбом на месте, глядя на ее удаляющийся силуэт.

Она была высокой, с широкими плечами. Он не мог оторвать глаз от ее размашистой походки, рассекающей воздух. Он должен был почувствовать обиду и стыд, но вместо этого ощущал только грусть. Потому что понял, что в ее глазах он просто опасный человек.

«Как она жила до сих пор? Что ей пришлось пережить?» – думал он, глядя ей вслед.

С тех пор он каждый день приходил к вокзалу и издали наблюдал за ней. Смотрел на ее обычное круглое лицо, которое увидишь на каждом шагу в округе, на ее крупные ладони, движения, которыми она доставала из кармана мелочь на сдачу и протягивала покупателям, как иногда она грызет кукурузу, разглядывая прохожих. Как она кусала початок, а зерна прилипали

к ее лицу. «Да, я знаю эту девушку», – думал он, мечтая сказать ей: «Давай вместе сядем в поезд. Я многое хочу тебе рассказать. Давай сядем в поезд и будем говорить долго-долго».

Это были тщетные помыслы. Вплоть до того самого дня, когда к ней подошли два солдата. Она встретила их улыбкой, думая, что это очередные покупатели, но быстро помрачнела. Увидев выражение ее лица, он торопливо подбежал к ней.

– Эй ты, как тебя зовут? А живешь где? – допрашивал ее на японском один из солдат.

Она пронзила его холодным взглядом, но ничего не ответила. Прадед поспешно натянул улыбку и очень вежливо заговорил по-японски:

– Это моя жена. Она не училась в школе и не знает японского, прошу простить ее. Если вы хотите знать, где мы живем, я скажу, но...

На этих словах солдаты развернулись и ушли. Им нужна была незамужняя девушка. Он прекрасно знал об этом. В его деревне солдаты уже разыскивали совсем юных девочек. Родители как можно скорее выдавали замуж дочерей, которым едва исполнилось по девять или десять лет. Они думали, что единственный способ защитить своих дочерей – это отдать их новому «хозяину».

Когда солдаты ушли, он спросил, есть ли у нее муж. Она покачала головой. А отец? Снова нет. Старший или младший брат, дядя, двоюродный дядя? Она лишь продолжала мотать головой.

– Тогда кто есть у тебя дома? Они же придут туда, – испугался он, а она посмотрела ему прямо в лицо и ответила:

– Матушка.

Глядя на нее в этот момент, он понял: в конце концов солдаты обязательно уволокут ее с собой. Никто не осмеливался говорить вслух о том, какие ужасные вещи происходят в их казармах, но он не мог позволить забрать ее.

– Матушка болеет, – пробормотала она, словно обращаясь сама к себе.

Услышав это, он предложил, сам еще не понимая, что имеет в виду:

– Поедем со мной в Кэсон.

Она зло посмотрела на него.

– Они заберут тебя. Что бы ты ни делала, в итоге так и случится.

Она сложила обе руки на ткань, которой была накрыта корзина с кукурузой, и, опустив взгляд, ответила:

– Не надо шутить со мной. Я вас даже не знаю, даже имени вашего не знаю.

– Меня зовут Пак Хису. Я знаком с человеком, который занимается торговлей в Кэсоне. Я хочу поехать туда и заберу тебя с собой.

В этот момент он впервые увидел на ее лице страх.

– Значит, вы продать меня хотите, – сказала она.

– Что ты...

– Оставьте меня. Просто оставьте. Я хочу продавать здесь кукурузу и жить с матушкой. Зачем вы мне мешаете? Хотите заманить меня и...

– Когда в Кэсон приедем, поженимся официально, чтобы жить вместе.

– Ха! – С этим коротким смешком она подняла корзину и ушла.

Он впал в отчаяние. Ему казалось, он не вынесет, если не сможет убедить ее и вот так потеряет. Глядя, как она, переваливаясь с ноги на ногу, несет тяжелую корзину, он понял, что здесь уже не до выбора. Он просто обязан уехать в Кэсон. И забрать ее с собой.

Прабабушка не знала японского. Она понимала только несколько слов, которые помогали ей продавать кукурузу, но на этом всё. Когда подошли солдаты, она не до конца поняла, что происходит. Но, работая у вокзала, она не раз слышала, какие разговоры ходили в народе.

Расставшись с ним, она пошла домой, но там ее уже ждали японский солдат и сосед. Она почувствовала слабость в ногах. Сосед с улыбкой заявил, что нашел для нее работу на японской

фабрике. Сказал, что она должна быть благодарна, ведь там ей удастся заработать много денег и жить в роскоши. В этот момент она окончательно все поняла. Этот мир не собирается давать ей шанса. Японцы, которые сдирали по три шкуры даже со знати, ни за что не могли дать той, кого никто даже за человека не считал, такую хорошую возможность. Она была уверена, что происходит нечто ужасное.

– Матушка больна, я не могу ее оставить, – пролепетала она.

Выражение лица соседа резко изменилось. Он рявкнул, что у нее нет другого выбора и через четыре дня они вернутся снова. В ту ночь она не могла уснуть. Она вспоминала рассказы людей, которые слышала у вокзала. Она хотела жить. Хотела гулять, когда захочется, петь песни, когда захочется, смеяться или горько плакать, когда захочется. Она хотела отбросить ярлык дочери мясника и увидеть мир.

Она вспомнила лицо юноши, который предложил ей уехать вместе с ним в Кэсон. Он выглядел даже моложе нее. У него еще не до конца сломался голос, а лицо казалось очень наивным. «Неужели он тоже хочет продать меня?» – задумалась она. Страх окутал все ее тело. Врач сказал, что надежды на матушкино выздоровление нет. Что ей осталось не больше месяца. Это было десять дней назад. После ухода солдат она стала надеяться, чтобы матушка скорее умерла. Так будет лучше. Она отчаянно молилась о ее смерти: «Мне придется уехать отсюда во что бы то ни стало, так что, пожалуйста, матушка, умоляю, уйдите из этого мира до моего отъезда». Она молилась об этом снова и снова. Слезы продолжали течь по лицу.

Когда на следующий день тот юноша снова пришел к вокзалу, она спросила: почему он хочет поехать в Кэсон с незнакомой девушкой? Какая ему разница, заберут ее солдаты или нет? Зачем хочет помочь? Он не смог дать ей вразумительного ответа. Вместо этого он купил початок кукурузы и начал грызть, продолжая стоять рядом. Пока он ел, она сыпала вопросами: «У вас разве нет родителей? Как вы собираетесь жить в незнакомом месте, где ни разу в жизни не бывали?» И хотя она обращалась к нему, на самом деле эти вопросы скорее были адресованы ей самой.

Говоря это вслух, она вдруг поняла: в конце концов она последует за этим человеком. И хотя она ничего о нем не знает и, возможно, он и правда продаст ее, у нее просто нет иного выхода.

«Возьму нож, – подумала она. – Если будет мне угрожать, стану защищаться».

Он ел кукурузу на удивление медленно. Наконец закончив, он положил кочерыжку в карман, посмотрел на прабабушку и произнес:

– Ехать или нет – решать тебе. Мне просто кажется, что я не вынесу, если солдаты заберут тебя. Ты права. Я тебя не знаю. И ты меня тоже. Но мы же можем узнать. Если тебя вот так заберут, я не переживу. Я буду страдать, но вернуть уже будет ничего нельзя. Это правильно, что ты не веришь мне. Надеюсь, что ты и впредь будешь сомневаться в людях, как и сейчас. Я не прошу, чтобы ты полностью доверилась мне. Если поедешь со мной в Кэсон, я попрошу товарища позаботиться о твоей матери. Завтра в это же время я приду сюда с ним. Тебе нужно время, чтобы попрощаться с матерью.

– Я не могу оставить матушку и уехать, – ответила она, уже понимая, что так и поступит.

– Солдаты придут за тобой. Это не шутки, – предупредил он. – Завтра в это же время. Здесь.

С этими словами он пошел прочь.

«Как же медленно он ходит, – подумала она, глядя ему вслед. – Я должна уехать».

В ту ночь она не сомкнула глаз и только крепко обнимала мать.

«Матушка, он сказал, что кто-то придет за тобой присмотреть. Нет, даже если это неправда, даже если никто не придет за тобой ухаживать, я ничего не могу с этим поделать. Да, я буду наказана. Буду получать наказание всю жизнь. Но, матушка. Я не могу позволить солдатам меня забрать. Матушка, матушка! Не свидеться нам с тобой боле...»

На следующий день он пришел и привел высокого парня с длинной шеей. По сравнению с прадедом этот человек выглядел взрослее. Он даже вежливо кивнул ей. Это был дядюшка Сэби.

– Почему Сэби? – поинтересовалась я.

– Потому что вырос он в деревне под названием Сэби, – ответила бабушка.

Предки его тоже были католиками и подвергались когда-то гонениям. Именно поэтому их семьи были близки, а с прадедушкой они росли как родные братья. Когда прадед решил покинуть родные края, дядюшка Сэби пытался его отговорить. Но прадедушка принялся убеждать его: солдаты уже рыщут по всем деревням и пересчитывают по головам всех девочек. Для защиты у нее должен быть хотя бы старший или младший брат, хотя бы двоюродный родственник, но в семье нет ни одного мужчины. Такой девушке грозит опасность похуже, чем просто быть дочерью мясника...

Она отправилась домой вместе с прадедушкой и дядюшкой Сэби. Дядюшка пообещал ей, что непременно будет заходить каждый день и ухаживать за ее матушкой. Прабабушка в последний раз поклонилась матери и покинула родной дом, ни разу не обернувшись.

Заняв свое место в вагоне третьего класса после того, как поезд тронулся, прабабушка вцепилась в сиденье и разрыдалась. Это был первый и последний раз, когда она не скрывала своих слез перед прадедушкой. Позже, даже узнав о смерти матери, она не заплакала, а просто надолго замолчала.

Прабабушка часто рассказывала бабушке об этом: «И все-таки, если бы не твой отец, меня бы забрали солдаты. Если бы я осталась рядом с больной матушкой, меня бы забрали, как и всех остальных местных девушек, которых некому было защитить». Прабабушка неустанно повторяла бабушке эту историю в те моменты, когда прадед вел себя хуже всего. И все же твой отец меня спас. Да, он тогда меня спас.

В Кэсоне их уже ждал друг его двоюродного дяди. Прабабушка сжала рукоятку ножа в кармане. Но ничего страшного не произошло. Ее ожидала крошечная комната, в которой пахло забродившими соевыми бобами. Они накрылись разными одеялами и заснули. На следующий день они зарегистрировали брак.

Спустя два дня после того, как прабабушка покинула деревню, приехали солдаты и битком заполнили кузов своего грузовика местными девушками. Прабабушка была не из тех, кто легко краснеет. Но каждый раз, когда она рассказывала об этом, ее бросало в жар, а голос начинал дрожать. «Солдаты...» – на этом моменте она замолкала, словно мысленно возвращаясь назад в прошлое. Ее молчание, ее чувства в эти минуты проникали глубоко в сердце бабушки.

Дядюшка Сэби каждый день приходил в дом незнакомого мясника, чтобы принести умирающей женщине воды и еды. Он ухаживал за старушкой и сидел у ее кровати. После этого прабабушка твердо решила: ради дядюшки Сэби она сделает все что угодно. Если он прикажет полоть поле, она будет полоть; если велит приносить воду из колодца каждый день, она будет приносить; если попадет в опасность, она прибежит и спасет его. Хотя дядюшке пришлось присматривать за ее матерью чуть больше недели.

К тому времени прадедушка нашел комнату и работу на мельнице у друга дяди. Прабабушка получила известие о смерти матери спустя десять дней. Конечно, она понимала, что ее забрали бы солдаты, если бы она по своей воле не оставила матушку, но у нее не получалось считать эту очевидную причину очевидной. «Возьми меня с собой!» Что же чувствовала матушка, когда она один за другим отрывала ее цепкие пальцы от подола своей юбки? В то время прабабушке было всего семнадцать.

Семнадцать лет – не возраст для такого. Это не возраст для того, чтобы бояться, как бы тебя не забрали солдаты; не возраст для того, чтобы каждое утро варить кукурузу, складывать ее в корзину и идти продавать у вокзала; не возраст для того, чтобы видеть страх, гнев и одиночество матери, стоящей на пороге смерти; не возраст для того, чтобы понимать, что скоро

останешься совсем одна на всем белом свете; не возраст для того, чтобы постоянно получать насмешки и издевательства только потому, что ты дочь мясника; не возраст для того, чтобы бросать мать, чтобы не иметь возможности проводить ее в последний путь, чтобы услышать новости о ее смерти вдали от дома. Но для прабабушки семнадцать лет были именно такими. Бабушка сказала, что ее мать так и не смогла забыть то, что случилось в родительском доме, и прожила всю жизнь, цепляясь за то время.

Только перед смертью она сумела снова вернуться в свои семнадцать лет. Лишь в свои последние дни семнадцатилетняя прабабушка, прожившая всю свою жизнь как мертвая, держа рот на замке, сумела освободиться.

Бабушка сказала, что помнит, как улыбалась ее мать, лежа на больничной койке. «Матушка, матушка, ты здесь?» – бормотала она, протягивая руки к своей дочери.

Бабушка сказала, что думала, прабабушка испытывает по отношению к своей матери лишь угрызения совести. Но со временем она поняла, что на самом деле прабабушка просто очень сильно скучала по своей матушке. Она хотела баловаться, обниматься, приставать к маме, хотела купаться в ее любви. Ей приходилось всю жизнь сдерживать себя, когда просто хотелось позвать: «Мама, мамочка!» Когда прабабушка назвала собственную дочь мамой, та вспомнила последние слова, которые она услышала от своей матери: «Ладно, ступай. Но знай: в следующей жизни рожусь я твоей дочкой. И отплачу тебе за то, как ты обошлась со своей матушкой. Тогда и свидимся. Свидимся снова».

– Моя малышка... Вот мы снова и свиделись, – прошептала бабушка своей умирающей матери.

3

До сих пор я ничего не знала о своей прабабушке. Мама как-то упоминала, что в детстве бывала у нее, но на этом все. Но теперь я знаю. Моя прабабушка была дочерью мясника и вышла замуж за незнакомого человека, оставив свою мать. Безымянная женщина, которая существовала в моей голове только как расплывчатый образ маминой бабушки, благодаря ее рассказу словно предстала передо мной во плоти. Моя прабабушка, Ли Чонсон.

– Но откуда вы так хорошо знаете о далеком прошлом? – спросила я.

– Моя мама... – Бабушка немного помолчала, а затем продолжила: – Мама много рассказывала мне об этом. Так много, что люди начинали насмехаться над ней. Некоторые стыдили ее за то, что она не может оставить прошлое в прошлом и без конца рассказывает об этом дочери, но она все равно не переставала. Позже меня тоже стало это раздражать. Потому что она вечно повторяла одни и те же истории. Так что ты должна сказать мне, если я начну повторяться.

– Не стоит об этом беспокоиться.

Я почувствовала, что бабушка осторожничает.

– Тебе пора домой, – вдруг произнесла она.

Посмотрев на часы, я осознала, что на дворе уже глубокая ночь. Я извинилась за то, что просидела допоздна, тогда как ей уже давно пора спать, но бабушка ответила, что в ее доме закон никогда и ни под каким предлогом не просить прощения. «Извиняться, когда ни в чем не виновата, – это грех», – говоря это, бабушка почему-то выглядела грустной. Только на следующее утро я подумала, что мои вежливые извинения могли показаться попыткой держать дистанцию.

Перед уходом я, немного поколебавшись, произнесла:

– Насчет моей свадьбы...

Бабушка взглянула на меня, не скрывая замешательства. Бабушка, которую не пригласили на свадьбу собственной внучки.

– Вы же знаете, какая мама упрямая. Простите меня, – добавила я.

Бабушка с трудом улыбнулась и кивнула.

– И кстати... Я рассталась с мужем.

– Умница, – тут же ответила бабушка без тени сомнения.

Немного растерявшись, я уставилась на нее.

– Дашь мне свой номер? Я не буду звонить, – сказала она.

Я сохранила свой номер в бабушкином телефоне и нажала на кнопку вызова, чтобы узнать ее.

– Будет скучно – звони.

– Хорошо.

– Надоедать тебе я не буду. А если вдруг надоем, сразу говори.

– Да, конечно, – с улыбкой ответила я и вышла из квартиры, держа в руках остатки торта.

Спустя неделю после первого визита я снова отправилась к бабушке в гости.

Она рассказала, что всегда любила читать. Даже когда мама была маленькой и не давала ей спать, она запоем читала детективы и в результате спала еще меньше. А в детстве и вовсе проглатывала книги одну за другой, словно испытывая неутолимую жажду. Но со временем бабушке стало тяжело читать. Жажда к чтению все еще была сильна, но буквы прыгали перед глазами, не давая сосредоточиться. А после операции по удалению катаракты она и вовсе не осмеливалась открывать книги. Когда я заметила, что дрожащее изображение на экране телевизора тоже плохо для зрения, бабушка ответила, что теперь не смотрит его, а только слушает.

Я посмотрела на телевизор, стоявший в углу моей гостиной. Он был небольшим, но показывал четко. С некоторых пор я только и делала, что расстилала одеяло в гостиной и пили-

лась в телевизор, так что начинала подумывать, что пора бы избавиться от него. Я позвонила бабушке, чтобы узнать, не против ли она, если я занесу свой телевизор.

Он оказался тяжелее, чем выглядел. Увидев, как я с трудом волочу его, бабушка принялась без конца извиняться. Сказала, что, если бы знала, что он такой тяжелый, спустилась бы помочь. От двери квартиры она несла его вместе со мной. Когда мы наконец водрузили телевизор на тумбочку в гостиной, бабушка уточнила:

– Ты уверена, что он тебе не нужен?

Я посмотрела на бабушкин старый телевизор рядом с тумбочкой.

– Его надо выбросить. Вы же знаете куда?

– Ну конечно знаю. Сколько уже, по-твоему, лет я одна живу?

– Да, вы правы.

– В любом случае спасибо тебе.

Установив телевизор, мы с бабушкой сели на диван и, попивая цитрусовый чай, принялись смотреть документальный фильм про гепардов. Бабушка временами клевала носом, но потом снова просыпалась и смотрела на экран. Отказавшись от предложения поесть перед уходом, я стала собираться домой. Я не хотела, чтобы мы завели привычку каждую неделю есть вместе.

– Я бы хотела попросить вас кое о чем перед уходом.

– Да, что такое?

– Фотография прабабушки, которую вы мне показывали в прошлый раз... Она у вас одна?

– Да, одна. Это единственный мамин снимок.

– Можно мне сфотографировать ее на свой телефон?

Я думала, что моя просьба может не понравиться бабушке, но она, наоборот, с радостью поспешила в кладовку и вернулась с фотоальбомом в руках.

Я внимательно всмотрелась в лицо так похожей на меня прабабушки. Легкая улыбка, шаловливое выражение лица. Оно исходило не от губ, а из глаз. Только спустя некоторое время я заметила женщину, сидящую рядом с прабабушкой. С первого взгляда казалось, что обе они сидят прямо, но, присмотревшись повнимательнее, я обнаружила, что женщина сидит немного повернувшись в сторону прабабушки. Ее ладонь лежит на руках прабабушки, сложенных на юбке. Женщина была худощавой, с миловидными чертами лица.

– Кто это?

– Это тетушка Сэби.

– Жена дядюшки Сэби?

– Да.

– Они были подругами?

Бабушка внимательно посмотрела на меня и кивнула:

– Не просто подругами.

– Да? А кем?

Я собиралась только сфотографировать снимок и пойти домой, но почему-то продолжала задавать бабушке вопросы.

– Когда мама переехала в Кэсон, у нее не было друзей. Ей было одиноко.

Прошло совсем немного времени, прежде чем людям в Кэсоне стало известно, что прабабушка – дочь мясника. Тайное всегда становится явным. Прадед нашел работу на мельнице у друга дяди. Разумеется, этому человеку было известно о происхождении прабабушки.

Прадедущка был наивным человеком. Он верил, что люди поймут его, – ведь он сделал то, что считал правильным. Но сколько бы он ни твердил, что, если бы он не увез девушку с собой, ее бы забрали японские солдаты, никто не хотел ему верить. Люди не желали относиться хорошо к человеку, который вопреки воле родителей безрассудно женился на дочери мясника.

– И все же отцу повезло, он был мужчиной. Как минимум люди не шептались прямо при нем.

Когда обнаружилась правда о происхождении прабабушки, по округе еще долго ходили пересуды. В конце концов народ пришел к выводу, что после замужества со знатным человеком она тоже стала знатной особой, но ярлык дочери мясника навсегда остался с ней. Люди не вели себя с ней так же пренебрежительно, как на родине. Все-таки жена достойного господина.

Но они ее избегали. Все разговоры стихали при ее приближении, люди не допускали прабабушку в свой круг. Когда она здоровалась, они отворачивались. Никто больше не угрожал ей физически, но ей было так же больно, как и в прошлые времена. Сидя на каменных ступеньках перед домом, она безучастно смотрела на солнечные лучи, падающие во двор.

Матушка всегда учила ее, что в жизни нужно уметь смириться, отказаться от надежд и ожиданий и сделать шаг назад. Ждать чего-то от жизни? Это даже не роскошь, а опасное занятие. Зачем они так обращаются со мной? Почему такое происходит со мной? Я ведь ни в чем не виновата, за что они ранят меня? Почему мой муж умер, не получив никакого лечения? Почему никто не может разделить мою боль и поплакать вместе со мной? Вместо того чтобы мучить и изъедать себя, надо вырывать из головы, как сорняки, ростки таких вопросов, не давать ничему оценки, не сопротивляться. Она говорила, что это и есть жизнь. Сидя на каменных ступеньках, она пыталась размышлять именно так.

«Сегодня меня избили по пути домой. Да, было такое.

Мой муж умер от неизвестной болезни. Да, все было именно так.

Я грустила в одиночестве. Это правда.

Люди говорят, что я приношу неудачу. Верно, говорят такое.

Я бросила больную матушку. Да, это так.

Я не смогла предать ее земле. Все правда.

Люди в Кэсоне не желают принимать меня. Так и есть. Так было всегда».

Она пыталась думать, как учила матушка, но это, наоборот, только злило ее. У нее был особый дар: ни в коем случае не обманывать саму себя. Видеть несправедливое несправедливым, грустное грустным, чувствовать одиночество и знать, что это именно оно.

«Да, люди в Кэсоне не желают принимать меня. Так и есть», – подумала она и, зажавшись, крепко сжала кулаки.

«Я все еще не могу привыкнуть к косым взглядам тех, кто презирает меня за то, что я дочь мясника. Они все еще причиняют мне боль. Мне обидно. Я злюсь. Мне одиноко. Я хочу, чтобы все изменилось. Я не прошу, чтобы люди приняли меня, лишь бы они просто перестали меня презирать. Хотя нет. Я хочу, чтобы люди приняли меня».

В ее душе оставались ростки надежды. Как бы она ни пыталась их вырвать, они прорастали снова и снова, как сорняки. Она не могла уничтожить надежду, которая вела ее за собой. А она шла следом за ней даже сквозь самые колючие заросли. Ее мать была права: решение дочери не гарантировало безопасную жизнь. Как можно было последовать за незнакомым мужчиной и отправиться на поезде до самого Кэсона? Хоть кто-то еще способен на такой безрассудный поступок? Насколько же сильно она страдала, как душили ее презрение людей и неспособность отказаться от надежд?

В доме, где они поселились, жили хозяин, которому было уже за шестьдесят, семья с годовалым ребенком и еще одна семья с четырьмя детьми. Когда прабабушка с прадедушкой только заехали в новый дом, все приняли их радушно. Это было до того, как они узнали, что прабабушка – дочь мясника и молодожены сыграли свадьбу без благословения родителей. Прабабушка была удивлена такому радужному приему совершенно незнакомых людей. Выяснив, что у них нет одеял, соседка одолжила им свои. Даже соседские дети весело играли с ней.

Прабабушка всегда боялась детей. При виде толпы весело галдящих ребятишек ей хотелось развернуться и убежать. Но после того как она стала женой знатного человека, дети стали

улыбаться ей. Они называли ее тетушкой Самчхон, хватали за подол юбки и бегали хвостом, приставая с пытливыми вопросами.

Однажды она вернулась домой после стирки, и один из соседских ребяташек привязался с просьбой поиграть с ним. Это был милый малыш лет четырех. Она, как обычно, сделала вид, что хочет поймать его, и мальчик начал убегать, заливаясь смехом. В этот момент откуда-то выскочила его мать.

– Ты что творишь? – зло выкрикнула она и увела ребенка в дом.

Это выглядело странно. Ведь соседка раньше себя так никогда не вела. А вечером она появилась у них на пороге, требуя немедленно вернуть одеяла. Хотя еще недавно решительно отказывалась забирать их, когда прабабушка, купив себе новые, предлагала вернуть то, что взяла на время. На этом все и закончилось.

В церкви, куда водил ее прадед, все было точно так же. История о том, что благочестивый Павел – именно таким было католическое имя прадеда – помешался на некрещеной девушке и отвернулся из-за нее от собственной семьи и родины, быстро разлетелась среди прихожан. В мгновение ока прабабушка стала грешницей, которая охмурила наивного парня. Правда никого не интересовала. Самый тяжелый грех, который только существует в этом мире, – родиться женщиной. Тогда прабабушка поняла эту истину.

Когда прадед уходил на мельницу, она тоже не сидела без дела. Прабабушка ходила стирать к ручью, плела ткань, топила печку, гладила одежду, крахмалила ее и снова гладила. Она колола дрова, мыла посуду, делала разные закуски из съедобных трав, ходила на рынок за продуктами, мариновала кимчи из редьки и зеленого лука. Вставая по утрам, она готовила еду и собирала ее с собой на работу для мужа.

Никто не говорил ей прямо, но, догадавшись, что остальным семьям неприятно пользоваться с ней одной кухней, она стала подниматься на час раньше. Прадед возвращался с работы поздно, и она могла готовить на кухне после того, как поужинают остальные. На заднем дворе было немного свободной земли, и она разбила там небольшой огород. Дел было много, но время тянулось ужасно медленно.

Зимой их навестил старший брат прадедушки. Он не ответил на ее приветствие. Брат мужа выглядел злым, словно его насильно заставили приехать к ним в гости. У него были узкие губы, и казалось, будто он специально презрительно поджимает их.

Прабабушка достала минтай, который хранила для особого случая, и потушила его с редькой. С трудом наскребла белого риса из чана так, чтобы хватило на двоих мужчин, и наложила в чашки. Составив все тарелки на поднос, она собралась было выйти из кухни, но в дверях встал семилетний сын соседей. На его лице возникло хорошо знакомое прабабушке выражение. Враждебность, смешанная с удовлетворением. Мальчик широко раскинул руки, преграждая ей дорогу.

– Отойди, – попросила она, но ребенок резко подскочил к ней и выбил из рук поднос. Одна чашка разбилась, а вторая хоть и осталась целой, но рис рассыпался по полу. Все произошло так быстро, что она не успела ничего сделать. Из комнаты послышался голос мужа, требующий еды, и она решила хотя бы составить обратно на поднос тарелки с рыбой и закусками.

– А где рис? – осведомился прадед.

– Я несла поднос, но соседский ребенок решил пошутить... Чашки разбились, и рис весь высыпался на пол...

– Ко мне брат приехал, а ты предлагаешь нам ужин без риса?

– Там осталось немного ячменной крупы, пока вы беседуете, я быстренько приготовлю.

В этот момент деверь резко поднялся из-за стола.

– Брат, – произнес прадед, уже понимая, что сейчас произойдет.

– Думаешь, я приехал тебя навестить, чтобы со мной так обращались? Что это за жена такая, если не может чашку риса гостю подать? К тебе старший брат приехал, а она смеет себя так вести!

Деверь накинул на плечи куртку и направился к выходу.

– Успокойся, брат, не надо так. Она просто ошиблась, она не специально. – Пытаясь остановить его, он махнул прабабушке рукой, чтобы она поторопилась за рисом.

Прабабушка побежала на кухню и второпях наступила ногой на осколки разбитой плошки. Ступню обожгло острой болью, но она стерпела. Пока она второпях промывала крупу, с улицы послышался шум. Она вышла во двор и увидела, что деверь с вещами уже выходит из дома. День был таким холодным, что виски сковало от мороза. Она даже не успела попросить его остаться еще ненадолго и лишь смотрела на удаляющуюся мужскую фигуру.

Сделав вид, что ничего не видела, она принялась варить ячменную крупу на две персоны. Рана на ноге хоть и выглядела небольшой, но оказалась глубокой. Она остановила кровотечение, обмотав ногу кусочком ткани, и снова натянула носки. Ее сердце разрывалось от боли, когда она посмотрела на рассыпанный по полу белый рис, который они не могли себе позволить, но она аккуратно смела его в совок и выбросила в ведро для удобрений. Наложив ячменную кашу в миски, она пошла назад в комнату. Прадед выглядел злым. Воздух звенел от напряжения. Это был один из тех моментов, которые ей предстояло переживать теперь чуть ли не каждый день. Моментов, когда муж был зол по неизвестной причине, и ей приходилось только догадываться, что же могло довести его до такого состояния.

– Я приготовила все заново. Вот, поешьте вместе с закусками.

Не произнеся ни слова в ответ, он взял ложку и начал есть. Она тоже взяла ложку.

Так, жуя ячменную крупу в тишине, она впервые в жизни осознала, что такое безнадежность. Раненую ступню жгла боль, но какой смысл говорить об этом мужу? Чего можно ожидать от человека, который, прекрасно видя, что ее носок насквозь пропитан кровью, не удосужился поинтересоваться, не больно ли ей? Не стоило и ждать, что он спросит, почему она просыпала рис и что такого натворил соседский мальчишка. Ведь это был человек, который ничего не сказал, даже когда услышал о смерти тещи. «Мужу плевать на мою боль, – думала она. – Я ни капельки не интересую его. Но почему? Почему он сказал тогда, что не может просто смотреть на то, как меня забирают солдаты?» Это осталось для нее загадкой на всю до конца жизни.

Ей было невдомек, насколько сильно у некоторых людей развито тщеславие.

Прадед вырос на историях о католических мучениках. Истории о том, как они старались защитить свою любовь к Господу даже ценой собственной жизни, отказавшись от всего, что имели, сильно повлияли на него. Познакомившись с прабабушкой, увидев, как она живет, он с самого начала готовился отказаться от всего ради нее. «Я пожертвую всем, чтобы спасти тебя», – так он думал про себя.

В результате он прожил всю жизнь, мучаясь от обиды, злости и угрызений совести. Покидая родительский дом, он еще не понимал, что не является кем-то великим или выдающимся. Хотя нет, этого он так и не понял до конца своей жизни. Он так и не осознал, как остро он реагирует на малейшие неудобства и как мелочна его натура. Он думал, что смел настолько, чтобы отказаться от родителей, но выяснилось, что он всего лишь поддался внезапному порыву. Порыву уехать. Теперь же он был уверен, что это жена отняла у него достойную жизнь, которой он мог бы спокойно наслаждаться.

После приезда в Кэсон он начал изнывать от тоски по дому. Он скучал по братьям и сестрам, по матери с отцом, думал о друзьях, которых оставил на родине. Кэсон, издаലെка казавшийся ему городом мечты, предстал слишком шумным и суетливым, его душа не лежала к этому месту. Арендованная комната, которую они нашли с таким трудом, больше походила на загон для скота. Он даже просыпался по несколько раз за ночь от тоски по родному дому с просторным двором и колодцем. Если бы он женился на девушке, которую подобрали ему

родители, до сих пор жил бы в том замечательном месте и наслаждался комфортом и уютом... Жена обязана была возместить ему все, что он потерял. Но она почему-то не понимала, чего он ждет от нее. «Разве она не должна хотя бы выказывать мне свою благодарность? Разве положено женщине вести себя так холодно и грубо?» – возмущался он про себя.

Не то чтобы он не испытывал к жене привязанности. Честно говоря, он даже немного завидовал и боялся ее уверенности и стойкости, которыми не обладал сам. Он предчувствовал, что она может отнять у него даже тот небольшой авторитет, который имелся у него на правах мужа, и беспокоился, что она втихомолку насмехается над ним. «Я бросил все ради того, чтобы помочь тебе, так почему же ты не ведешь себя соответственно и не подстраиваешься под мои нужды?» – удивлялся он, чувствуя себя обманутым. Но жена, казалось, была сосредоточена только на своих делах. И вела себя так, словно с самого рождения принадлежала к знатному роду. Хотя на самом деле являлась всего лишь презренной дочерью мясника.

Он пытался гнать подобные мысли прочь, но ничего не мог с собой поделать. Он сетовал, что она не знает, как обращаться с мужем, потому что не получила должного воспитания. Глядя на ее всегда высоко поднятую голову, он испытывал смутное чувство злости. Хотя и не хотел признавать, что злится именно по этому поводу.

– А когда прабабушка встретила тетущку Сэби?

– Маме в тот год было девятнадцать. Она была беременна мной, когда тетущке и дядюшке Сэби пришлось перебраться в Кэсон.

Японские ростовщики отняли почти всю землю у их семьи. В доме было три сына, и в этой ситуации младшему из них, дядюшке Сэби, не оставалось больше места, чтобы заниматься земледелием вместе с родными.

Впервые увидев прибывшего в Кэсон дядюшку Сэби, прабабушка испугалась. Он исхудал до неузнаваемости и дрожал от холода. Маленькая, словно воробушек, его супруга выглядела и того хуже. Ее веки были темными, на потрескавшихся губах запеклась кровь, а в уголках рта виднелись белые пузырьки. Прабабушка заметила, что тетущка Сэби вздрагивает и пугается от каждого резкого слова, как будто ее сейчас кто-то ударит.

В этот момент прабабушка почувствовала, как закипает от гнева. То, что у дядюшки Сэби, у которого она была в вечном долгу, отняли землю и вынудили его против воли отправиться в Кэсон, вызвало у нее не грусть, а настоящую ярость. На его лице отпечатались следы бедности и голода, а одежда была слишком тонкой для местной холодной зимы. Прабабушка пошла на кухню и принесла измученным гостям вареного батата. Дядюшка Сэби из вежливости просто убрал его в карман, но тетущка Сэби опустилась на каменные ступеньки и начала жадно есть. Как же много ей приходилось работать, если ее маленькие ручки, судорожно сжимающие батат, выглядели совсем как старушечьи? Лицо тетущки Сэби тогда будто не выражало никаких эмоций и чувств.

Супруги нашли себе комнату в пяти минутах ходьбы от дома, где снимали жилье прабабушка с прадедом. Тетущка Сэби после долгого голода и сильного напряжения, которое не покидало ее всю дорогу в поезде, на несколько дней слегла с болезнью. Когда дядюшка Сэби отправился обходить округу в поисках работы, прабабушка сварила кашу и пошла к его жене. Она сложила съестные припасы в шкаф, а потом, хорошенько остудив кашу, добавила кимчи и накормила ею тетущку Сэби.

– Вкусно, – с улыбкой прошептала тетущка Сэби.

Прабабушка чуть не расплакалась. С одной стороны, у нее болело сердце за эту шуплую восемнадцатилетнюю девушку, на долю которой выпало столько трудностей, но, с другой, она уже предчувствовала, как вскоре эта улыбка сменится холодным выражением лица, отвергающим ее. Ждать того момента, когда тебя отвергнут, – очень грустное и неприятное дело. Лучше первой взять инициативу в свои руки.

– А вы знаете?

– Что?

– Что мой батюшка мясником был.

Тетушка Сэби растерянно хлопала глазами. По ее лицу было видно, что она не понимает, о чем идет речь.

– А... Я слышала, что вы настрадались, когда ваш батюшка скончался и вам пришлось самой зарабатывать на пропитание, да еще заботиться о матушке, – сказала тетушка Сэби. Лицо ее излучало простодушие, в уголках губ оставались следы от бульона с кимчи. – Тяжко вам пришлось, тяжело.

Не зная, что на это ответить, прабабушка просто сидела молча, до боли закусив губу и сдерживая слезы.

– Очень вкусно, – снова повторила тетушка Сэби.

Впервые кто-то сказал прабабушке, что ее стряпня вкусная. Ей было тяжело долго смотреть на это по-детски простодушное личико, но Сэби уже навсегда поселилась в ее сердце. От этого ей казалось, что из груди вот-вот рекой польются и радость, и печаль, и жалость. Она не хотела идти по жизни с новой раной в сердце.

Прабабушка еще даже почти не знала тетушку Сэби, но уже страшно боялась потерять ее. Казалось, она не сможет дышать, если когда-нибудь тетушка Сэби отвернется от нее, если она не сможет больше увидеть это озаренное радостью личико, если тетушка Сэби разочаруется в ней и посмотрит на нее с презрением и безразличием.

«Все люди одинаковы, – прозвучал у нее в душе голос матушки, – не надо на них надеяться».

«Матушка, я не надеюсь на людей, – подумала прабабушка. – Я надеюсь на нее, на мою Сэби».

С некоторых пор прабабушка стала про себя вести беседы с матушкой. Оставаясь дома одна, она даже иногда разговаривала с ней вслух. В то время ей было настолько одиноко, что хотелось пообщаться с кем-нибудь хотя бы так.

«Эта твоя Сэби. Чем она отличается от других? Я переживаю, что тебе опять будет больно. Не верь сладким словам, ни за что не верь», – предупреждала матушка.

«Это не из-за слов, матушка. Просто Сэби – другая», – отвечала прабабушка.

Дядюшка Сэби устроился работать на фабрику по окрашиванию военной формы. Его порекомендовал туда дядя прадеда. Работа была тяжелой, но благодаря ей он мог прокормить двоих. Говорили, что подобное место невозможно получить без связей. В тот год случилось сильное наводнение, и все, кто работал на земле, повалили в поисках работы в Кэсон. На полях народ умирал от голода, но спрос на тток¹² среди зажиточных людей был необычайно высок. На мельнице не хватало рук, и прабабушка тоже стала работать там вместе с мужем.

– А для меня там не найдется местечка? – как-то спросила у нее тетушка Сэби. – Я могу все что угодно делать. Руки у меня крепкие, могу и тток лепить.

– Тебе надо много есть и набрать хоть немного веса, Сэби, – сказала прабабушка.

В ее глазах тетушка Сэби выглядела слишком худой и слабой. Она была маленькой, как птичка, а ее руки, скрещенные на груди, походили на веточки дерева. К тому же она постоянно спотыкалась, даже если на земле перед ней не было ни единого камешка, и клевала носом сразу после еды.

– У тебя же совсем силенок нет, и как ты только в поле работала!

– Я хоть и выгляжу так, а перцы шустро собираю и грядки быстро поляю. И вообще я все спору делаю.

– Ну-ну, и привирать умеешь.

¹² Брусочки из клейкого риса или рисовой муки. Рис для ттока отбивают деревянными колотушками, традиционно эта работа считалась исключительно мужской, так как связана с тяжелым физическим трудом. А сам тток лепили уже женщины.

– Нет, Самчхон, я серьезно. Просто мы целый год голодали – вот от меня и остались одни кости. Силы будто покинули меня... Раньше я такой не была.

Прабабушка хотела было что-то ответить, но горло сдавило, и слова не выходили наружу.

– Но мы же недолго страдали. Вот приехали сюда и теперь хорошо питаемся.

– Сэби!

– Что?

– Впредь я не позволю тебе голодать. Тебе больше никогда не придется голодать. Я замолвлю за тебя словечко на мельнице, а ты пока за своим здоровьем лучше следи.

– Не переживай, – успокоила ее тетушка Сэби и рассмеялась.

Бабушка перевела дыхание и залпом допила остатки цитрусового чая.

– Мне же сон тут приснился. Видимо, потому, что я тебе все это рассказывала.

Заламывая руки, бабушка продолжила:

– Лежу я, значит, в своей комнате, дрожу от холода, кашляю, и вдруг заходит мама.

– Прабабушка?

– Ну да. Примерно в том возрасте, когда была сделана фотография. И говорит: «Ёнок, ты что, простудилась? Дай-ка мне свои руки».

С этими словами бабушка протянула одну руку ко мне.

– Перед смертью маме все время было холодно. Она так мерзла, что даже летом носила теплые носки, а зимой и вовсе ходила по дому в стеганой телогрейке и в перчатках. И все равно твердила, что ей холодно. Руки и ноги были ледяные. Но во сне я протянула ей руку, и, господи... какая же теплая и мягкая у нее была ладонь!

– Наверное, это не ощущалось как сон.

– Да, – бабушка посмотрела на меня с улыбкой, – это было как наяву.

4

Целый день шел весенний дождь. По пути домой с работы я узнала о рецидиве рака молочной железы у мамы.

Впервые заболевание у нее обнаружили в 2012 году. Диагноз поставили на ранней стадии, так что мама перенесла операцию по удалению опухоли и прошла лучевую терапию. У нее было мало друзей, поэтому в больнице ее почти никто не навещал, не пришла даже ее собственная мать. Когда я поинтересовалась, в курсе ли бабушка, что ее дочери сделали операцию, мама напомнила, что они уже давно не общаются, и быстро перевела разговор на другую тему. С тех пор прошло пять лет, маме предстояло перенести повторную операцию, но только сейчас я поняла, что, наверное, на ее месте поступила бы точно так же.

Операцию назначили на утро пятницы, и я, взяв на работе выходной, поехала в Сеул. Мы с ней почти не разговаривали. Вся наша беседа закончилась на том, что я поинтересовалась, не больно ли ей, а она ответила, что все в порядке. К моему удивлению, сегодня мама почему-то не беспокоилась, чем там питается дома папа.

«Чего это ты не переживаешь о папином режиме питания?» – хотелось съязвить мне, но, глядя на маму, которой в это время вливали кровь через капельницу, я возненавидела саму себя. И еще возненавидела маму, которая своим холодным обращением вызывала у меня желание уколоть ее. «Ненавижу, ненавижу, все ненавижу», – подумала я и возненавидела еще и бабушку за то, что она не сделала первый шаг навстречу собственной дочери, какими бы ни были обстоятельства.

Лежа без дела на койке для опекуна, я вдруг импульсивно бросила:

– А я ходила в гости к бабушке.

– Понятно, – без энтузиазма откликнулась мама.

– Она наготовила разного. Мы ели жареную камбалу, морскую капусту и кимчи из редьки, а потом еще торт.

– Ясно.

– Ты знала, что бабушке оперировали катаракту?

– Нет.

– У нее в квартире телевизор был ужасный. Экран весь дрожал. Так что я отдала ей свой.

– Молодец.

– Еще рассказала ей, что развелась.

– Да?

– Бабушка сказала, я умница.

– Она же не знакома с зятем.

– В смысле?

– Она не чувствует к нему привязанности.

– Значит, ты была настолько к нему привязана, что защищаешь его, хотя это он мне изменил?

– Почему ты вечно выворачиваешь чужие слова?

Я подскочила с кровати и вышла из палаты. Казалось, если я пробуду рядом с мамой еще немного, с губ сорвутся слишком резкие слова. Выйдя из больницы, я сделала круг по университетскому городку. В голове всплыл совет Чиу о том, что нужно пытаться правильно дышать, когда злишься или грустишь. Я села на скамейку и попыталась сосредоточиться на дыхании. Вдох-выдох. Но это не помогло остановить слезы, и через несколько секунд я разрыдалась, закрыв лицо руками.

Поздним вечером в воскресенье я удостоверилась, что мама спит, и подменилась с сиделкой. Мы договорились, что я буду ухаживать за мамой на выходных, а сиделка – в течение

недели. Возвращаясь ночью в Хвирён, я изо всех сил старалась не чувствовать вину оттого, что не могу присматривать за мамой в больнице все время.

Через несколько дней я случайно столкнулась с бабушкой в супермаркете. Усадив ее в свою машину, я, вместо того чтобы отправиться сразу домой, проехала круг по центру города. Бабушка открыла окно и подставила лицо теплему весеннему ветерку. Ее короткие волосы развевались. Цветы на набережной цвели во всю силу. По радио звучала песня Чу Хёнми. В ночном воздухе витал еле уловимый цветочный аромат. Прекрасный весенний вечер с приятным ветерком. Бабушка мычала мотив песни с закрытым ртом.

– Ух ты, вот и на машине покаталась благодаря внучке, – заметила она умиротворенным голосом.

Я порадовалась, что она ничего не знает о маминой ситуации.

– Вы же ничем не больны? – спросила я.

Бабушка громко рассмеялась.

– Да я каждый день таблетки горстями пью. Но с тобой, Чиён, я не собираюсь об этом говорить. Это же так скучно! Состариться и жаловаться внучке на свои болячки – я так не хочу. Отказываюсь быть такой бабушкой. Я буду говорить с тобой только об интересных вещах.

Мне было не смешно, но я посмеялась вместе с ней. Даже в этот момент я не могла избавиться от беспокойства о маме. Мне не хотелось сразу идти домой, и бабушка предложила:

– Хочешь цитрусового чая?

Бабушка достала из холодильника банку с вареньем из цитрона и поставила чайник на газовую плиту. Потом предложила мне осмотреться, пока кипятится чай, и добавила, что я могу заглядывать куда хочу. Я зашла в комнату, где хранились фотоальбомы. Одна из лампочек на потолке перегорела, и внутри было сумрачно даже после того, как я зажгла свет. У одной стены стояли полки, на которых лежали несколько фотоальбомов, книги, коробки с печеньем, плюшевый медвежонок, толпились банки с консервированными фруктами. С другой стороны возвышался стеной шкаф, одна его дверца была приоткрыта, и я увидела, что находится внутри. Там стояли в ряд две коробки, а сверху – стопки свитеров и разной зимней одежды.

– Надо бы навести здесь порядок, все никак не доберусь.

Бабушка появилась в дверях и протянула мне кружку с цитрусовым чаем. Он оказался горячим и сладким.

– Подруги велят мне выбросить это все, но я не могу, – сказала бабушка, указывая на коробки. – Говорят, что никто не хранит такой хлам.

– А что это?

– Старые письма. Есть адресованные мне, а есть мамины. Даже когда мы жили в маленьком доме, мама так бережно хранила их. Она обращалась с ними как с драгоценным кувшином, в котором хранится дух предков. Не могла же я просто выбросить их в макулатуру после ее смерти. Когда я читала мамины письма, у меня всегда появлялось ощущение, что она жива. Как такое выбросишь? Хоть и не могу теперь читать, но все равно храню.

– Вам очень тяжело читать?

– Опять я прибедняюсь. Ну я же плохо вижу. А письма еще хуже, чем книги. Бумага и чернила сильно выцвели, так что мне не разглядеть даже с лупой. Расплывается все...

– Хотите, я вам прочитаю?

– Что ты, не надо! – замахала бабушка руками. – Тебе же завтра на работу.

– Вам будет неудобно, если я вам прочитаю?

– Да нет, не в этом дело. Просто если ты постоянно станешь делать что-то для меня, мне нечего будет дать тебе взамен – нехорошо получится.

– Но вы ведь рассказываете мне истории.

– Это тебе спасибо, что слушаешь.

– Ну нет.

В этот момент я почувствовала что-то похожее на обиду и даже сама удивилась. Мы виделись всего несколько раз, откуда такая сентиментальность? В комнате повисла тишина, и я попыталась избавиться от неловкости:

– Расскажите мне еще о тетушке Сэби. Ее взяли работать на мельницу?

– А как же! Сначала ее взяли на замену, потому что мама родила ребенка, а потом она и вовсе прижилась там – очень уж ловко руками орудовала.

– Этот ребенок...

– Да, у нее родилась я. Это было в тридцать девятом году.

Бабушка улыбнулась.

Роды оказались очень тяжелыми, они заняли целые сутки, и, когда ребенок уже появился, у прабабушки продолжала идти кровь. Но даже после остановки кровотечения она не могла подняться с кровати. Вся еда почему-то казалась ей тошнотворной, она не могла заставить себя проглотить даже водянистый бульон.

От страха, что подруга может умереть, тетушка Сэби плакала, обливаясь холодным потом. Она осознала, насколько сильно полагалась на нее все это время, какими отчаянными были их чувства друг к другу.

«Только бы она осталась в живых, – молила тетушка Сэби небеса. – Если моя Самчхон останется в живых, я стану жить так праведно, что меня не в чем будет упрекнуть».

Тетушка Сэби зачерпнула плошку риса с горкой и отправилась к прабабушке. Та не могла ничего проглотить, и тетушка Сэби велела ей жевать рис и выплевывать в тарелку. Прабабушка послушалась. Она прожевала рис и выплюнула, потом повторила снова. Через несколько дней к ней понемногу стали возвращаться силы. Она не могла глотать твердую пищу, но сок от пережеванного риса попадал в желудок. Вскоре она перешла на водянистый бульон, потом на более густой рисовый отвар, а потом и на кашу. Так прабабушка выжила.

Только тогда ее взгляд обратился к дочери. Красное личико и крошечное тельце. Представив, что этой крошке придется выживать в жестоком мире, прабабушка почувствовала, как грудь словно сдавило тисками, к глазам подступили слезы. На душе стало тоскливо.

Люди говорили, что после рождения ребенка женщина сразу ощущает к нему безусловную любовь. Но прошло уже больше ста дней, а прабабушка не испытывала к младенцу особых эмоций и, жутко стыдясь этого, не могла ни с кем поделиться своими переживаниями. Притворяясь, что души не чает в новорожденной малышке, она боялась самой себя. Оставаясь наедине с дочерью, прабабушка с неприязнью разглядывала ее личико. В такие моменты она казалась самой себе сумасшедшей.

«Ты мерзавка, бросившая родную матушку, – шептала она про себя. – Родную мать бросила, куда тебе полюбить дитя, гадкая девчонка».

Новорожденная дочь оказалась кроткой и спокойной; когда ей исполнилось сто дней, она перестала то и дело просыпаться, могла даже проспать всю ночь напролет. Малышка не требовала еды и не капризничала, даже когда у нее пошли первые зубы. Прабабушке казалось, ребенок чутьем понимает, что никто в семье ей не рад. То, что первенцем родилась дочь, стало для мужа огромным разочарованием. Вот дочь по одежке и протягивала ножки. Прабабушка опасалась, что ребенок не может даже заплакать во всю силу, поскольку чувствует обстановку всем своим маленьким тельцем и сердечком. Из этого страха и зародилась ее любовь к дочери. Однажды она обнаружила, что улыбается, встретившись глазами с малышкой, и поняла, что очень дорожит ею. Пусть это и не было инстинктивной безоговорочной любовью, о которой твердят люди.

Пока прабабушка восстанавливалась после родов, тетушка Сэби трудилась на мельнице вместо нее. Работа заключалась в том, чтобы сметать и собирать рассыпанные по полу зерна риса.

Супруги Сэби отлично ладили. Старейшины деревни когда-то нечаянно сосватали их во время пирушки с макколли¹³, и молодые сразу приглянулись друг другу. Первый год после свадьбы они жили неплохо, но на второй год японцы отняли у местных почти всю землю, и супругам долгое время приходилось жить впроголодь. У матери дядюшки Сэби был злой язык. «Баба в дом должна прийти достойная, а пусти одну непутевую – и всей семье беда», – приговаривала она нарочно, да так, чтобы слышала невестка.

«Неужели это правда?» – размышляла тетушка Сэби, тихо забившись в угол. Неужели это из-за меня семейное благополучие пошло прахом? Что, если и вправду все так сложилось из-за моего прихода в эту семью? Свекровь раз за разом твердила одно и то же, и ей самой вдруг стало казаться, что в этих словах есть смысл. Однажды свекровь, как обычно, накинулась на невестку с упреками, не заметив, что сын стоит позади нее. В тот день дядюшка Сэби впервые в жизни повысил голос на мать. Он заявил, что если еще раз услышит, как мать так разговаривает с его женой, то больше она его никогда не увидит.

– Дядюшка и тетушка Сэби вели себя друг с другом как друзья, он не требовал к себе особых почестей. Думаю, он в принципе был таким человеком. Никогда, ни при каких обстоятельствах не хотел ставить себя выше других или командовать кем-то. В то время даже самые просвещенные люди были уверены, что муж должен стоять выше жены, чтобы не потерять уважение, но дядюшка Сэби был не таким. Так он показывал свое упрямство.

Дядюшка Сэби недолго проработал на красильной фабрике. Токсичные испарения плохо повлияли на его и без того слабые легкие. Из-за острых приступов астмы он был вынужден уволиться и заняться здоровьем. Тетушке Сэби пришлось стать единственным кормильцем в семье, и, помимо работы на мельнице, она занялась подработкой – вытягивала нейлоновые нити из бумажных мешков с цементом, которыми они были прошиты. Примерно в то же время старший брат дядюшки Сэби увлекся азартными играми и проиграл последнюю принадлежавшую им землю. Вся семья теперь работала на то, чтобы выплатить долги, но они только продолжали расти.

Примерно тогда дядюшка Сэби получил весточку от троюродного брата, который нашел работу в Японии. В письме тот рассказывал, что там, где он находится, куча свободных рабочих мест и, поскольку он уже заложил основу, дядюшке Сэби не придется бедствовать по приезду. По его словам, всего за несколько лет Сэби мог заработать столько, что хватило бы на выплату всех долгов, и вернуться на родину.

Дядюшка Сэби, который в поисках постоянной работы перебивался случайными заработками, ухватился за предложение троюродного брата, как за соломинку. Однако у него не хватало смелости попросить жену переплыть через Корейский пролив вместе с ним. Из родного дома в Кэсон, из Кэсона в Японию – он не мог заставить ее снова пройти через такие трудности. Жена только подружилась с тетушкой Самчхон и приспособилась к жизни в Кэсоне. После работы у нее едва оставалось время на сон, но она все равно улучала минутку, чтобы вместе с подругой почистить бобы и нарезать свежей зелени. Женщины вместе заготавливали на зиму кимчи и другие продукты, ходили на базар. Делились друг с другом тем, что наготовили, по очереди присматривали за ребенком. Жена учила тетушку Самчхон корейскому алфавиту и читала ей вслух невесть откуда взявшуюся книгу в мягкой обложке. Дядюшка Сэби никак не хотел снова срывать ее с места, когда она с таким трудом привыкла к жизни в Кэсоне.

– Похоже, тетушка Сэби была счастлива, – заметила я.

– Это точно. Люди вокруг говорили, что такую несчастную судьбу еще поискать, но я так не думаю.

Я воскресила в мыслях образ тетушки Сэби со старого снимка. Не зря меня сразу потянуло к ней. Женщина, которая долго голодала, вытягивала нити из мешков с цементом, соби-

¹³ Традиционный корейский алкогольный напиток, приготовленный из ферментированного риса, напоминающий брагу.

рала зерна риса с пола на мельнице, готовила бульон, чтобы спасти больную подругу. Я всей душой тянулась к этой женщине, которая смотрела в камеру с мягкой улыбкой, положив ладонь на руки той самой подруги.

За разговорами о прабабушке и тетушке Сэби мы с бабушкой почти не касались темы наших собственных жизней. Если бы мы были связаны сложной и плотной сетью любви и привязанности, она бы не смогла так легко рассказывать мне о своей матери. Возможно, ей было проще делиться со мной этой историей именно потому, что мы виделись всего лишь однажды в моем детстве и всю жизнь провели как полнейшие незнакомцы. Но признаюсь, я задумывалась о том, что, если мы продолжим наши беседы, когда-нибудь я смогу услышать и о жизни самой бабушки. Как знать, вдруг я смогу наконец узнать о том, что произошло между ней и мамой и как так вышло, что она не получила приглашения на свадьбу собственной внучки.

– А у Мисон, у твоей мамы, все хорошо? – вдруг спросила бабушка.

Я пристально посмотрела на нее и молча кивнула.

– Она не болеет? До сих пор любит читать книги и писать?

– Писать? Что писать?

Бабушка уставилась на меня непонимающим взглядом.

– Разве она больше не таскает с собой тетрадки? Не пишет без конца то дневники, то рассказы?

– Не знаю... Мы давно живем отдельно, но, когда я жила дома, такого за ней не водилось.

Бабушка кивнула в ответ, но на ее лице читалось сожаление.

– Я передам маме привет.

– Не надо тебе этого делать. – Ее лицо вдруг окаменело. – Не надо.

– Бабушка!

– Что?

– Я не буду пытаться заставить вас помириться с мамой. Не беспокойтесь.

– Пообещай.

– Обещаю.

Только после этого бабушка немного расслабилась, и я поспешила сменить тему:

– А у тетушки Сэби тоже были дети?

– Да, она родила в сорок втором.

– Через три года после вашего рождения.

– Верно.

Беременность тетушки Сэби проходила тяжело. Она больше не могла ни работать на мельнице, ни вытягивать нити из мешков с цементом. Родные требовали от дядюшки Сэби, чтобы он присылал больше денег на выплату долга. Дядюшка брался за любую поденную работу, но денег едва хватало на скудное пропитание. Как раз тогда ему снова написал троюродный брат. В письме говорилось, что на фабрике появилось хорошее место и, если дядюшка Сэби согласен приехать, брат поможет ему с обустройством и жильем.

Тетушка Сэби не могла заставить себя смириться с решением мужа. Как он может бросить ее здесь и в одиночку отправиться через Корейский пролив? Она всеми силами пыталась остановить его, но дядюшка Сэби был непреклонен.

Казалось, он был ослеплен этой идеей. Все вокруг пытались отговорить его, но дядюшка Сэби упрямо настаивал на том, что поедет в Японию. Поскольку такое упрямство было не в его характере, окружающие сначала долго удивлялись, а потом пришли к выводу, что у него должна быть какая-то веская причина.

У прабабушки имелся долг перед дядюшкой Сэби. За то, что он помог ей перебраться в Кэсон, за то, что присмотрел за умирающей матерью. Прабабушка велела дядюшке Сэби не волноваться и пообещала глаз не спускать с его беременной жены. Взамен она взяла с него

обещание, что тот во что бы то ни стало вернется ровно через два года. Иначе ребенок подрастет и не будет узнавать своего родного отца.

Прабабушка до последнего была против решения дядюшки Сэби. Мало того, что путь был далекий и ему предстояло сносить невзгоды на чужой земле, так еще и война была в самом разгаре. Она никак не могла взять в толк, как он мог решиться отправиться в Японию, получив всего пару писем от родственника, и неважно, какой сложной была ситуация в семье. К тому же дядюшка Сэби не отличался добрым здоровьем. Прабабушка каждый день приходила к супругам домой, хватала его за руку и умоляла остаться.

– Дядюшка, – так она его называла, – подумайте о Сэби. Неужто вы хотите, чтобы она родила и растила дитё одна в Кэсоне, совсем без семьи?

– Я делаю это ради жены.

– Я знаю, что вы на все пойдете ради нее, но не таким же путем. Дядюшка, вы ведь такой умный, как же вы могли повестись на такое?

– Самчхон, ты же знаешь, в каком положении наша семья сейчас. Тут я зарабатываю гроши – ни долги отдать, ни жену с ребенком прокормить. Она так и будет маяться, а я не могу на это смотреть.

– Дядюшка!

– Так что ты уж побудь рядом с моей Сэби. Я тебе одной доверяю ее, Самчхон.

– Не слушаете вы меня, дядюшка, совсем не слушаете. Ну как же так?

Такие беседы продолжались несколько дней подряд. Наконец осознав, что переубедить дядюшку Сэби не выйдет, прабабушка громко топнула, развернулась и ушла. Подходя к дому, она от ярости даже несколько раз пнула забор. Внутри все кипело, она чувствовала ненависть к благодетелю, которому была обязана по гроб жизни.

В день, когда провожали в путь дядюшку Сэби, прабабушке оставалось только лить слезы и молиться о его благополучии. Она горячо молилась за этого человека, у которого за душой не было ничего, кроме бесполезной веры в людей. В мире, где даже самый ловкий хитрец, как бы осторожно он ни жил, все равно набьет себе шишки, наивному до безрассудства дядюшке Сэби требовалось в сто раз больше удачи. Прабабушка поклялась ему, что будет заботиться о его жене и будущем ребенке. В тот день тетушка Сэби так и не вышла из комнаты. Она отказалась провожать мужа.

Тетушка Сэби сняла комнату в одном доме с прабабушкой. Она сворачивалась клубочком в углу, и пол комнатухи казался ей морской гладью. Словно она плывет на лодке посреди бескрайнего бушующего моря. Глотая слезы, тетушка Сэби тосковала по своему мужу, который на пароме пересекал Корейский пролив. Она горько раскаивалась в том, что поддалась минутному порыву и отказалась выйти проводить его в дальний путь. Ах, если бы ее беременность не была такой тяжелой, если бы у мужа не случилось астмы, нет, если бы изначально он не пошел работать на ту красивую фабрику. Тетушка Сэби неустанно перебирала в голове множество причин, но изменить уже было ничего нельзя. Она так никогда и не приняла решение мужа уехать.

– Никто не знает, что дядюшке Сэби пришлось пережить в Японии. Он тщательно скрывал это, – вздохнула бабушка и некоторое время просто смотрела в пол с безучастным выражением лица.

Казалось, она впала в рассеянность, забыв, что рядом с ней есть кто-то еще. Я поинтересовалась, не сохранилось ли у нее фотографий дядюшки Сэби, и бабушка покачала головой:

– Был рисунок, сделанный тетушкой Сэби. Она нарисовала его карандашом, не очень умело, но с первого взгляда было понятно, что это он. Рисунок тоже пропал, но... Благодаря тому, что ты меня слушаешь, кажется, что жизнь дядюшки Сэби продолжается. Хотя бы на время нашего разговора.

Я кивнула. Потому что тоже легко могла представить себе лицо дядюшки Сэби, хоть и не видела его ни разу в жизни. Высокий, с длинной шеей... Я так и видела перед собой парня лет двадцати, намного моложе меня сейчас; парня, который безропотно идет в дом незнакомого мясника, чтобы ухаживать за больной старухой; который не хочет никем командовать, носит жену на руках, а потом в одиночку отправляется в Японию. Этот образ не отражал его целиком, но таким он запомнился мне – человеку, который родился уже после его смерти.

Но разве это все имеет значение? Я не знала, есть ли смысл в том, что люди помнят друг друга, и зачем помнить того, кто ненадолго задержался в этом мире, прежде чем исчезнуть навсегда. Хочу ли я, чтобы помнили меня? Каждый раз, когда я задавала себе этот вопрос, ответ напрашивался один: нет, не хочу. Вне зависимости от моего желания, таков конечный исход человеческой жизни. Земля закончит свой век, пройдет еще много-много времени, энтропия достигнет максимума, и тогда само время исчезнет. Человеческий род позабудет сам факт своего краткого существования в этой Вселенной. А Вселенная станет местом, лишенным способности хранить память о людях. Это и есть наш конечный исход.

Часть вторая

5

Мама считала, что у меня есть все, чего только можно желать. По ее мнению, у меня имелся целый ряд привилегий: родители с обеспеченной старостью, хороший муж и возможность заниматься любимым делом. Она была права. Удача в моей жизни была ключом.

Поскольку я была в курсе, что обладаю привилегиями, мне следовало молчать. Молчать об одиночестве, что я ощущала, будучи воспитываемой родителями, которые никогда не прислушивались ко мне и моим желаниям; молчать о пустоте, поселившейся в душе из-за жизни с мужем, не испытывавшим ко мне никаких чувств. Держа рот на замке, я должна была работать и поддерживать на плаву супружескую жизнь, от которой осталась одна лишь оболочка, и ни в коем случае не давать никому понять, что в глубине души хочу, чтобы меня понимали и любили. Я ведь счастливый человек. У меня есть все, чего только можно пожелать.

Только когда оболочку безжалостно содрали, я смогла наконец увидеть настоящую себя. Ту, которая бесшумно плачет, свернувшись в клубок рядом с крепко спящим мужем; подгоняет саму себя и ставит высокие планки ради тех, кто будет отрицать мое существование, если я не напишу достойную научную статью; с каждым новым шагом, с каждым вдохом критикует и осыпает себя насмешками.

«Ты смогла получить должность выше только потому, что постоянно подгоняла себя. Если бы ты давала себе хоть небольшие поблажки, ты бы уже давно стала никем. Папа ведь говорил тебе: ты ничего не добьешься. И муж предупреждал: все, чего ты достигла, – это просто удача. Поэтому ты должна работать над собой. Ты ведь уже привыкла, что к тебе так относятся».

Я всегда сторонилась тех, кто обрушивался на меня с критикой, но внимательно слушала, что они говорили. Никто не был так жесток ко мне, как я сама. Наверное, так мне было легче. Легче позволять другим вытирать об меня ноги.

Когда через неделю я снова отправилась навестить маму, она уже выглядела гораздо лучше. Приподняв спинку кровати под углом и удобно устроившись в полусидячем положении, она смотрела на телефоне видео из «Ютьюба» и играла в игры. Иногда она прогуливалась по коридору, опираясь на стойку для капельницы, и смотрела телевизор в комнате отдыха. Мама сообщила, что ее каждый день навещает тетя Мёнхи. Ее глаза блестели, когда она рассказывала, что подруга приехала в Корею впервые за пять лет и пробудет тут целых два месяца. Когда-то они вместе работали на почте, еще до маминого замужества.

Однажды тетя Мёнхи пришла в больницу, пока мама спала. Я помнила, что в детстве к нам домой приносили письма от нее из Мексики, но воспоминаний о встречах у меня не осталось. Она попросила меня уделить ей минутку, и мы спустились в кофейню на первом этаже.

– Ты бы не могла назвать мне номер счета твоей мамы? – спросила тетя Мёнхи после краткого обмена любезностями.

– Но зачем вам...

– Я очень обязана Мисон и хотела бы отплатить ей, – ответила она, теребя молнию на сумке.

– Обязаны?

– Дело давнее... Моя мама тогда сильно болела. Требовалось хирургическое вмешательство, но сама операция была сложная, а риск неудачи высок. Еще и очень дорого. Отец сделал все что мог, но, когда врачи сказали, что риски слишком высоки, отказался от операции. В ту

ночь, когда он принял это решение, я позвонила Мисон. – Тетя Мёнхи сцепила руки и отвернулась к стене. – На следующий день она приехала ко мне с конвертом денег. Сказала, чтобы я не делала того, о чем потом пожалею, и попыталась спасти маму. Я не могла отказаться от этих денег, не смогла даже сделать вид, что отказываюсь. Я пообещала твоей маме, что обязательно все верну, и бросилась искать врача.

– Операция прошла успешно?

Она сделала глоток кофе и кивнула.

– Мисон спасла мою маму. Я хочу отплатить ей, хотя бы таким образом. Если ты не дашь мне ее номер счета, я найду другой способ, так что скажи, пожалуйста.

Диктуя номер банковского счета, я не могла поверить в то, что мама могла пойти на такое ради подруги. Я никогда даже и подумать не могла, что у такого холодного и неприступного человека, как моя мама, есть и такая сторона.

В тот день после ухода тети Мёнхи я спросила у мамы:

– Это правда? То, что рассказала тетя Мёнхи?

– Ты о чем?

– Что ты оплатила ее маме операцию.

– А, – небрежно бросила мама, не отрываясь от игры в телефоне. – Мёнхи поступила бы точно так же на моем месте. Она вернула мне все еще до отъезда в Мексику.

– Кажется, она до сих пор не забыла твоего поступка.

Ничего не ответив, она высморкалась в салфетку и снова сосредоточилась на игре.

Я улеглась на койку для опекуна спиной к ней и закрыла глаза. Интересно, что тетя Мёнхи значит для моей мамы? Об отъезде подруги в Мексику она лишь упоминала мимоходом. Таким же сухим, лишенным всяких эмоций тоном она говорила о погоде или спрашивала, сколько мне нужно на карманные расходы. Я совсем не знала ее. Мне было известно о ней меньше, чем тете Мёнхи, бабушке и... даже папе.

В день выписки тетя Мёнхи приехала на машине и подвезла нас с мамой до дома. От моего предложения подняться и выпить чая она вежливо отказалась под предлогом, что не хочет мешать папе.

– Мы же в Корее. И меня никто не приглашал. Я лучше загляну потом, когда твоего отца не будет дома.

– Корея тоже изменилась. Сейчас же не восьмидесятые годы.

– Чиён, для твоей мамы так будет лучше. Позаботься, чтобы она хорошо отдохнула.

Когда мы зашли домой, папа сидел за столом и ел рис, обложившись закусками из холодильника. Увидев нас, он коротко бросил «Как дела?» и снова принялся за еду. Тетя Мёнхи была права. Маме точно стало бы неловко, если бы отец и ее подруга оказались в одной комнате. Уложив маму на кровать, я отказалась от папиного предложения поесть и поехала в Хвирён. Уже был вечер воскресенья, и мне тоже требовался отдых.

Пока я каждые выходные ездила в Сеул, незаметно пролетел месяц и наступило раннее лето. Стоя у окна в гостиной, я рассеянно наблюдала за тем, как салатная листва на деревьях постепенно приобретает густо-зеленый цвет. Это было первое лето после расставания с ним. Много всего произошло, мне было тяжело переварить последствия развода, но, к собственному удивлению, я чувствовала, что понемногу восстанавливаюсь. Я уже могла снова читать книги и даже опубликовала одну статью. Примерно в то же время я достала телескоп, который хранился в коробке в кладовке, и установила в гостиной. Просто поставив его к окну, я уже почувствовала, что сделала шаг вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.